

7 МАРТА 2017

СТИЛЬ ЧАСЫ

Коммерсантъ
Тематическое приложение
к газете «Коммерсантъ» №5

14 GIRARD-PERREGAUX БЛЕСНУЛИ СТАЛЬЮ

22 В ЖЕНЕВЕ УКАЗАЛИ НА ЧАСЫ

36 РАТЕК РИЛПРЕ ЗНАЮТ ЦЕНУ ВРЕМЕНИ

37 У ВУЛГАРИ ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ В РИМ

38 МАРК НЬОСОН ТОРГУЕТ ВОЗДУХОМ В ЖАСЕР-ЛЕСОУЛТРЕ

44 РАГЕТ СПЕЛИ ГИМН ТОНКОСТИ

32 ЛАНГ ЛАНГ ПРИСТУПАЛСЯ К РЕПЕТИРУ НЮБИОТ

Cartier

DRIVE DE CARTIER
МАНУФАКТУРНЫЙ КАЛИБР 1904 МС

КОЛЛЕКЦИЯ DRIVE DE CARTIER – ВОПЛОЩЕНИЕ ЭЛЕГАНТНОСТИ. ЭТИ СТИЛЬНЫЕ ЧАСЫ В КОРПУСЕ ФОРМЫ «ПОДУШКА» ОСНАЩЕНЫ МАНУФАКТУРНЫМ КАЛИБРОМ 1904 МС. СО ДНЯ СВОЕГО ОСНОВАНИЯ В 1847 ГОДУ ДОМ CARTIER СОЗДАЁТ УНИКАЛЬНЫЕ ЧАСЫ, СОЕДИНЯЮЩИЕ СМЕЛОСТЬ ФОРМ И МАСТЕРСТВО ЧАСОВОГО ДЕЛА.

#WHATDRIVESYOU

ОСТО

finissimo
СКЕЛЕТОН

НОВЫЙ БУТИК BVLGARI НА УЛ.КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, Д. 7
И В ГУМ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

BVLGARI

ROMA

«Детали создают совершенство, но совершенство – это не деталь».

Леонардо да Винчи

ЛЕГЕНДЫ ЖИВУТ ВЕЧНО

HERITAGE | PILOT Ton-Up

www.zenith-watches.com

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ГАЗЕТЕ «КОММЕРСАНТЪ»
«СТИЛЬ ЧАСЫ»

ВЛАДИМИР ЖЕЛОНКИН
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВ
ШЕФ-РЕДАКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
АНАТОЛИЙ ГУСЕВ
АРТ-ДИРЕКТОР АО,
АРТ-ДИРЕКТОР ПРОЕКТА
ВЛАДИМИР ЛАВИЦКИЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ СЛУЖБЫ
«ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СИНДИКАТ»
ЕЛЕНА НУСИНОВА
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
НЕДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЙ
АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ТАТЬЯНА БАКУШИНА
ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК
МАРИЯ МАЗАЛОВА
ТЕКСТ-РЕДАКТОР
НАТАЛЬЯ КОВТУН
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
ЕЛЕНА ВИЛКОВА
КОРРЕКТУРА
СВЕТЛАНА ШАПОВАЛЕНКО
БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
ФОТОРЕДАКТОР
КОНСТАНТИН ШЕХОВЦЕВ
ЕЛЕНА БОГОПОЛЬСКАЯ
ТАТЬЯНА ЕРЕМЕЕВА
ДМИТРИЙ ШНЫРЕВ
ВЕРСТКА
РЕКЛАМНАЯ СЛУЖБА:
ТЕЛ. (495) 797-6996, (495) 926-5262

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 121609,
Г. МОСКВА, РУБЛЕВСКОЕ Ш., Д. 28
ТЕЛ. (495) 797-6970, (495) 926-3301
УЧРЕДИТЕЛЬ:
АО «КОММЕРСАНТЪ»
АДРЕС: 127055, Г. МОСКВА,
ТИХВИНСКИЙ ПЕР., Д. 11, СТР. 2.
ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ
ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ,
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
(РОСКОМНАДЗОР).
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ —
ПИН № ФС77-64419 ОТ 31.12.2015

ТИПОГРАФИЯ: PUNAMUSTA
АДРЕС: KOSTI AALTOSEN TIE 9,
00140 JOENSUU, ФИНЛЯНДИЯ
ТИРАЖ: 75 000
ЦЕНА СВОБОДНАЯ

НА ОБЛОЖКЕ:
ПИАНИСТ ЛАНГ ЛАНГ
ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО
HUBLOT

16+

Алексей Тарханов

12__ Royal Oak по-прежнему на вес золота у Audemars Piguet

20__ Cartier про-гуливает по SIHH настоящую «Пантеру»

Часы ускоряют ход

Мы привыкли встречаться со швейцарскими часовщиками на параде — во время салонов в Женеве и в Базеле, на конкурсе «Золотой стрелки». Меж тем в этом году событий хватает и вне салонов. Группа Richemont, основной участник женеvского SIHH, полностью реорганизовала свою структуру. На манер холдинга LVMH — где неутомимый Жан-Клод Бивер един в трех лицах и в трех марках: TAG Heuer, Hublot и Zenith,— они назначили Жоржа Керна, бывшего главу IWC, своим обер-часовщиком, супервайзером, который будет присматривать за всеми часовыми марками. А его коллегу Жерома Ламбера, тоже талантливейшего часового менеджера, подняли из Montblanc приглядывать за всеми нечасовыми марками. Интересно, попадет ли в сферу его забот, кроме ручек Montblanc и сумок Lancel, еще и арсенал оружейников Purdey? Сменились главы Vacheron Constantin и Piaget (Хуан-Карлос Торрес и Филипп Леопольд-Метцгер остались в почетных председателях), а также Jaeger-LeCoultre (где Даниэль Риедо покинул ряды Richemont). С новыми часовыми начальниками нам предстоит вскоре познакомиться. В большинстве своем это известные нам люди, но как повлияет их приход на любимые нами марки? Впереди, как считается, перемены в Panerai, где неутомимый Анджело Бонатти, который приближается к пенсии, должен будет все-таки снять созданную им легенду с руки. И если мы говорим об участниках SIHH, в последние дни салона в отставку подал и наш старый друг Манюэль Эмш, рабо-

Часы Girard-Perregaux –
никаких тайн:
всего лишь два века мастерства
и бесконечное стремление к совершенству

ХРОНОГРАФ CIRCUITO, КОРПУС ИЗ КАРБОНО-ТИТАНОВОГО КОМПОЗИТА, 42 ММ

Калибр GP 3300
Хронограф

GP
GIRARD-PERREGAUX

SWISS HAUTE HORLOGERIE SINCE 1791

Москва: ЦУМ; Третьяковский проезд, 7
Кутузовский пр-т, 31; Барвиха Luxury Village
С.-Петербург: ДЛТ; Сочи: г-ца «Рэдиссон Лазурная»

тел. 8 800 700 0 800

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

март 2017

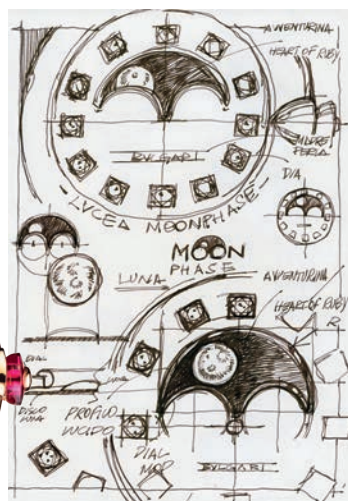

42_Музей Chopard хранит секреты времени

15_Van Cleef & Arpels верит сказкам про фей

48_Bvlgari покажут Рим при лунном свете

тавший когда-то в Jaquet Droz, а теперь в маленькой, но гордой марке Romain Jerome.

Совсем другими становятся сферы производства и торговли. Не только старые марки испытывают давление молодых нахалов, потрясающих коннектированными часами. Старинные часовые магазины, дредноуты роскоши, видят, как их верные покупатели дезертируют в интернет. Национальные рынки смотрят друг на друга и время от времени испытывают набег кочевников — толпы туристов вычищают часовые магазины в ритме колебаний национальных валют. Старая гвардия старых марок уходит на покой и сменяется новыми людьми, которые должны приучить новые поколения носить новые часы. Время метет новой метлой, часы ускоряют ход.

Календарь с часами: 2017

Это первый выпуск «Стиль. Часы» в наступившем году, и он посвящен премьерам Женевского салона высокого часового искусства (SIHH). Следующий номер выйдет в конце апреля — начале мая: в нем речь пойдет о результатах Базельской ювелирно-часовой выставки. Третий выпуск «Стиль. Часы» появится в октябре, после Парижской антикварной биеннале. И наконец, четвертый номер выйдет в конце ноября — начале декабря с итогами главного часового конкурса Grand Prix de Geneve.

реклама

**Высокое Ювелирное искусство, Вандомская площадь, с 1906 года товар сертифицирован

*Зимние сказки

Сказочное волшебство
в новой коллекции Высокого Ювелирного Искусства
Contes d'Hiver*

Van Cleef & Arpels

Haute Joaillerie, place Vendôme since 1906**

Москва, **СТОЛЕШНИКОВ 9 - (495) 937-9042, ГУМ - (495) 363-2064**

Екатеринбург - (343) 215-6001, Киев - (38044) 279-4642,

Алматы - (727) 315-5000, Баку - (99412) 497-7990,

Стамбул - (90212) 261-2915

www.vancleefarpels.com

НАШИ ЛУЧШИЕ ПОСЛЫ СЕГОДНЯ — ЭТО НАШИ КЛИЕНТЫ ФРАНСУА-АНРИ БЕННАМИАС, AUDEMARS PIGUET

МЫ ДОЛЖНЫ ИСКАТЬ ЛЮБУЮ
ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ ЛИЧНОГО
ОБЩЕНИЯ С НАШИМИ КЛИЕНТАМИ

Франсуа-Анри Беннамиас стоит во главе компании Audemars Piguet уже почти пять лет. За это время часовой климат менялся не раз, но старинная семейная марка показывает постоянный рост — на фоне затруднений швейцарских часовщиков это выглядит настоящим чудом.

— Audemars Piguet не теряет деньги, как это делают многие ваши не менее знаменитые коллеги. Поделитесь рецептом?

— Вы правы, минувший год можно считать для нашей компании очень удачным. Мы чуть ли не единственные на рынке, кому удалось избежать падения продаж. Но рецепта я вам не дам. Потому что для успешного существования компаний нет единого для всех рецепта. Нам понадобилось очень многое изменить пять лет назад, и вот, выработанная нами стратегия принесла плоды.

— Расскажите о тех шагах, которые вы предприняли со времени нашей встречи в 2012 году. Тогда вы сказали, что марке предстоит «детокс, тяжелая работа после праздников».

— Есть множество вещей, которые позволяют нам как компании чувствовать себя лучше. Более простая коллекция — сильно сокращенная по сравнению с тем, что было пять лет назад. Меньшая, чем прежде, сеть ритейлеров, более четкая стратегия взаимодействия между сотрудниками компании, радикально другой подход к потребителю и, в конце концов, единый для всех рынков продукт — у нас больше нет коллекций отдельно для Японии,

— Audemars Piguet Royal Oak Frosted Gold с особым методом обработки золота чеканкой

— Royal Oak остается главным столпом марки, но Франсуа-Анри Беннамиас кровно заинтересован в успехе и других линий

отдельно для США, Европы или Северного полюса. И за счет всего этого нам удается демонстрировать результаты выше, чем в среднем по рынку.

— Вас по-прежнему выручают ваши судьбоносные Royal Oak. Они приносят, говорят, около 80% продаж. Разве это не мешает другим вашим линиям, Jules Audemars и Millenary?

— Это одна из наших целей — сделать так, чтобы Audemars Piguet не считалась маркой, связанной исключительно с Royal Oak. Пока нам не удалось этого достичь, но мы постоянно работаем над этим. И появляются первые результаты: мы создали отличные Millenary для женщин. Что касается Jules Audemars — для них тоже кое-что предусмотрено, и уже сделано, и готово. Но мы представим результаты наших трудов чуть позже.

— Как вы ведете работу с вашими клиентами? Они склонны теперь ждать персонального отношения со стороны часовщиков, которых они поддерживают своими деньгами.

— Для нас очень важен личный контакт. Продавать часы онлайн — пока это для нас немыслимо. Конечно, нас видят в интернете, но в 2016 году мы зафиксировали очередной рост числа наших клиентов в магазинах. Это означает, что все больше людей хотят иметь личные отношения с маркой. И я этого хочу. Потому что если я продаю вам часы за €40 тыс. и не знаю, кто вы, — это печально. Тогда я не узнаю, какими могут быть следующие часы, не узнаю, были ли у вас какие-то проблемы, довольны ли вы, можно ли было сделать что-то по-другому. Поэтому мы обязаны искать любую возможность для общения с нашими клиентами. Но и устраивать фейс-контроль, как это делает Patek Philippe, мы не собираемся. Это, по-моему, уже слишком. Никогда не забывайте, что самым главным всегда будут человеческие отношения. И если эти отношения сложатся удачно, то наш клиент расскажет об Audemars Piguet кому-то еще. Наши лучшие послы сегодня — это наши клиенты. Знаете, это как в танце — мы движемся вперед и назад только вместе.

— Довольны ли вы вашими результатами в России?

— И да и нет. 2015 год выдался для нас очень хорошим, однако с октября продажи в России начали стремительно падать. Поэтому 2016 год был хуже предыдущего. Но Россия остается для нас ключевым рынком, у которого богатая история взаимоотношений с часовым делом. Мы должны продолжать работать и не воспринимать случившийся спад как провал. Скорее нужно понимать, что экономическая ситуация в стране в целом была не слишком благоприятной. Но это не значит, что мы должны махнуть рукой на ваш рынок и на наших клиентов, к которым мы относимся с уважением и с любовью.

— Собираетесь ли вы наращивать производство? У вас появились новые возможности.

— Пока мы решили остановиться на выпуске 40 тыс. часов в год. В 2014 году мы были близки к этой цифре, в 2015-м мы ее достигли, а сегодня я считаю, что этого количества достаточно, чтобы немного стабилизировать нашу лодку. И потом, прежде чем выпустить хотя бы на одни часы больше, нужно сделать наши 40 тыс. еще лучше. И у нас есть время это сделать. Так будет лучше и для нас, и для наших клиентов.

Беседовали Кирилл Сарханянц, Алексей Тарханов

Первопроходцы с 1906 года. Для первопроходца в тебе. Совершенство исполнения. Реклама.

MONT
BLANC

Pioneering since 1906. For the pioneer in you.

Вдохновленные эпохой развития современного мореплавания, часы Montblanc 4810 Chronograph Automatic созданы для настоящих путешественников и воплощают в себе исключительную точность и утонченность, присущую высокому швейцарскому часовому искусству.

Узнайте всю историю на
montblanc.com/pioneering.
Crafted for New Heights.

НАМ УДАЛОСЬ ОМОЛОДИТЬ НАШУ МАРКУ АНТОНИО КАЛЬЧЕ, GIRARD-PERREGAUX

Антонио Кальче уже третий год возглавляет марку Girard-Perregaux, которая вместе с JeanRichard входит в состав Sowind Group, принадлежащей группе Kering. Опытный часовой менеджер и инженер, он работал в Piaget и Panerai, в течение многих лет руководил Cologn. В этом году его марка покинула Базель и вернулась в Женеву на SIHH.

— Поздравляем с возвращением! Girard-Perregaux была в числе основателей салона. Но почему вы оставили в Базеле вашу родственную марку, JeanRichard, которая тоже всегда приезжала на SIHH?

— Сегодня Sowind Group хочет сосредоточить свои усилия на марке Girard-Perregaux, но мы постоянно держим в уме и JeanRichard. Последняя остается частью нашей компании, но мы работаем с ней только на нескольких рынках и не так, как с Girard-Perregaux. Мы заботимся о JeanRichard, это очень хорошие часы. Но сейчас время уделить внимание Girard-Perregaux, нашему локомотиву. В будущем обязательно настанет момент, чтобы вплотную заняться JeanRichard. И, возможно, вернуть ее на SIHH.

— Что для вас главное в коллекциях этого года?

— Мы решили сконцентрироваться на двух линейках — Pont d'Or и Laureato. Вы знаете, что турбийон с тремя золотыми мостами — самая знаменитая наша модель вот уже многие десятилетия. Но до сих пор мы выпускали только часы с золотыми мостами с турбийоном. Теперь же мы работаем над моделями разной стоимости и степени сложности. В этом году мы показываем часы с двумя мостами, выполненными из титана, с новой системой пуска, который мы разработали и которым мы решили украсить наши флагманские модели. Мы хотели разнообразить нашу марку: сохранить ее отличительные черты — мосты, но при этом иметь возможность выпускать

многообразие вариантов. В ближайшие годы на рынке будут появляться все новые модели Girard-Perregaux с «золотыми» мостами, которые, как видите, делаются теперь не только из золота, но и из новейших материалов.

— Laureato — это ваш ответ на требования рынка: «Дайте нам простые и элегантные часы в стальном корпусе на каждый день». Такие, как Royal Oak и Nautilus?

— Зачем нам смотреть на других? Laureato — это наш собственный уникальный продукт, это икона компании, пришедшая из 1970-х. Мы создали целую линейку этих часов. Сегодня у нас есть четыре их размера: 34, 38, 42 и 45 мм. И четыре металла: золото, сталь, биметалл и титан, что тоже очень важно для нас с точки зрения разнообразия. Потому что в Европе, к примеру, есть спрос на часы из стали, в США есть такой же спрос, и я думаю, что и в России эти часы будут пользоваться большим спросом. Что касается конкурентов на рынке, то мы играем на своей собственной территории. У нас нет конкурентов как таковых, ведь у нас есть свой неповторимый стиль. К примеру, Rolex, у которых есть часы в схожих ценовых категориях, не делают серьезных часовых усложнений. Они просто этим не занимаются. Что касается наших ориентиров на рынке, то вы правы, это Audemars Piguet и Patek Philippe.

— Вы берете курс на более молодую аудиторию? А что скажут ваши верные поклонники, не сочтут ли они, что вы их бросаете в поисках новых друзей?

— Мы получаем очень хорошие отклики от наших клиентов. Нам удалось омолодить нашу марку, отдавая дань уважения прошлому. Мы сумели извлечь выгоду из нашего богатого наследия, но при этом привнести в наши часы свое видение будущего. Невозможно все время говорить только о прошлом — мы должны изобретать что-то новое. Благодаря этому мы расширили круг наших клиентов. Если раньше, например, наши часы покупали люди 40–65 лет, то сейчас ими интересуются и те, кому едва исполнилось 20. Мы получаем отзывы от них в том числе и через социальные сети.

— Если вы следуете за ними в сетях, не станете ли вы там же продавать им часы? Они же привыкли к электронным покупкам.

— Продавать наши часы онлайн мы все же не станем. Girard-Perregaux — это высокое часовое искусство. Мы можем проконсультировать своих клиентов в интернете, но продавать свои часы мы будем только в магазине. Мы ждем от наших покупателей проявления уважения к марке. Но и они прекрасно понимают, что часы такого уровня нуждаются в персональном подходе.

Беседовали Кирилл Сарханянц, Алексей Тарханов

— Girard-Perregaux
Laureato — возрождение
легендарных часов
1970-х годов

НАШЕ ЧАСОВОЕ ДЕЛО ОЧЕНЬ БЛИЗКО К ЮВЕЛИРНОМУ

НИКОЛА БОС, VAN CLEEF & ARPELS

На Женевский салон 2017 года глава ювелирного дома Van Cleef & Arpels Никола Бос привез не только новые часы, в том числе замечательные Lady Arpels Papillon Automate, но и настоящий автоматон — движущуюся скульптуру «Фея Ундины».

— Глядя на «Фею Ундину», которая машет крылышками и волшебной палочкой рядом с раскрывающейся кувшинкой, спрашиваешь себя, не собираетесь ли вы перейти к сочинению настольных часов-скульптур.

— Изменить наручным часам мы не готовы, хотя традиция настольных предметов в Van Cleef & Arpels давняя и прочная, особенно заметна она была в первой половине XX века. Над «Феей Ундиной» мы

начали работать восемь лет назад, параллельно с нашими «поэтическими усложнениями». Вы ведь понимаете, что в основе современных «поэтических усложнений» лежит огромная история часовых автоматов.

— Но одной из немногих марок, взявших развить эту историю, были как раз инженеры Van Cleef & Arpels.

— Наша идея была проста: использовать механические усложнения не только для того, чтобы увеличивать точность хода, как это делают турбийоны, но и для того, чтобы начать рассказывать истории, — и вот для этого всегда подходили автоматы. Иногда миниатюризированные, чтобы их можно было использовать в часовом деле, иногда предназначенные не для кармана, а для стола или даже для подиума, как скульптура, которая к тому же способна двигаться.

— Вроде тех скульптур, которые делала семья Жаке Дро и которые сейчас можно увидеть в музее в Невшателе?

— Такие чудеса механики известны со времен Ренессанса, когда ими особенно увлекались при королевских дворах. Но в наше время механические автоматы практически исчезли из жизни, их заменили электрические роботы. Нам пришлось сначала выбрать героев и только после этого написать сценарий. Потом был долгий период поисков, колебаний. Я не скрою, это потребовало работы очень квалифицированных мастеров, больших денег и времени, которое, как известно, тоже деньги.

— Неужели вы не рассчитали это заранее?

— Не знаю, решились бы мы потратить восемь лет, если бы знали, что так будет. Мы не знали даже, осуществим ли этот проект. Мы пытались найти в этом размере автомата ту поэтику, тонкость, тот тип механизма, который соответствует нашему дому. Надо сказать, это позволило нам придумать новую

— Van Cleef & Arpels
Fee Ondine Automaton

технику и посотрудничать с двадцатью мастерами. Одни были нам знакомы, с другими мы познакомились во время разработки и осуществления проекта.

— Ваши наручные часы с бабочками не выглядят пришельцами из XVIII века. Они очень современны — благодаря ярким цветам эмалей плик-а-жур.

— Использование витражных эмалей позволяет добиться сочетания самых тонких цветов — интенсивных и пастельных. Это создает дополнительную палитру. Количество оттенков драгоценных камней при всем волшебстве вариаций ограничено, а при наложении цветных слоев эмали можно получить оттенки сложные и свежие.

— Ваша марка и ювелирная, и часовая. Наверно, в трудные моменты две ветви развития поддерживают друг друга.

— Ювелирные вещи находят покупателей в любые времена. Но наше часовое дело очень близко к ювелирному. Множество наших ювелирных часов рождены на стыке этих ремесел. Об этом говорит наш девиз: «Украшения, которые показывают время». Они могут рассматриваться и как украшения, и как часы. И они всегда носят особый образ. Нам легче, чем многим нашим коллегам, потому что наши ювелирные продажи помогают нашим часам.

— Какие выставочные проекты вы готовите после созданного вместе с Робертом Уилсоном «Ноева ковчега», который вы показали в сентябре в Париже?

— «Ноев ковчег» продолжает свое плавание, в марте он доберется до Гонконга со всеми своими маленькими зверушками на борту. Есть еще одна большая коллекция ювелирного искусства, которая будет представлена в июне.

— Драгоценные звери остаются в том же количестве, в каком мы их видели, или уже начинают плодиться, как в настоящем ковчеге?

— Сейчас они остаются парами. Они не делают глупостей. Но, наверное, да, они размножатся в будущие годы, чтобы стать целой линией украшений.

— Что вы ждете от 2017 года?

— Я надеюсь, что это будет год стабилизации и консолидации, менее хаотичный, чем 2016-й. Трудно было понять, кто чем занимается, почему вещи стоят именно столько, а не меньше и не больше и зачем разрабатывается то или иное усложнение. Хотя, конечно, никогда нельзя знать наверняка, что произойдет в международной жизни и как это отразится на нашей отрасли.

— Если говорить о ценах, сколько стоит ваша «Фея Ундины»?

— Мы не рассчитывали ни на какие доходы, когда брались за эту работу. Сделать часы трудно, но вероятность преуспеть высока. Здесь же все было неизвестно, как у какого-нибудь механика XVIII века. Это был эксперимент.

— Но вы готовы продать «Фею», если что?

— Скажу вам честно, не знаю. Мне кажется, мы еще сами в нее не наигрались.

Беседовал Алексей Тарханов

— Van Cleef & Arpels
Lady Arpels Papillon
Automate

КРАСИВЫЕ И СЛОЖНЫЕ ЧАСЫ НИКОГДА НЕ ВЫЙДУТ ИЗ МОДЫ ЖЕРОМ ЛАМБЕР, MONTBLANC

— Montblanc
TimeWalker
Chronograph 1000
Limited Edition

— Montblanc
Chronograph
Tachymeter
Champagne LE100

montblanc первым заговорил о правильном соотношении цены и качества, об опасностях постоянного повышения цен на часы

Жером Ламбер дал последнее интервью в качестве главы Montblanc. Германской маркой он руководил последние четыре года. До этого Ламбер возглавлял Jaeger-LeCoultre и некоторое время управлял A. Lange & Sohne. По новой схеме устройства компании Richemont под его командование переходят все не относящиеся к часам направления. Он оставляет Гамбург, к которому успел привыкнуть, и хочет попрощаться и с читателями «Часов».

— Столько лет вы каждый год приезжали на SIHH, а теперь пора расставаться. Что же вы оставляете после себя в Montblanc?

— Наслаждаюсь каждым моментом, ведь это мой последний SIHH. Пора идти дальше, но все равно ностальгии не избежать. Моя задача в Montblanc будет простой — сохранить то, что нам удалось сделать. Как вы знаете, во главе марки встанет Никола Баретцки, с которым мы всегда отлично работали — еще со времен Jaeger-LeCoultre.

— Какой же будет его задача?

— Прошло четыре года с тех пор, как я начал руководить Montblanc. Это немалый срок, но для часового дела — мгновение, и было бы обидно не обе-

спечить преемственность. Вот он и обеспечит. Я буду работать с Никола первое время. Начиная с апреля стану приезжать в Гамбург каждый месяц — на один день.

— Расставаться с Montblanc так же тяжело, как тяжело было расставаться с Jaeger-LeCoultre?

— Это нормальный процесс. Точно так же мне пришлось когда-то попрощаться с Jaeger-LeCoultre. 4 июля 2013 года я проработал там последний день, а 5 июля уехал из Швейцарии в Германию. В апреле мне предстоит переехать в Женеву.

— Каков итог ваших четырех монблановских лет? Что вам удалось на посту гендиректора марки?

— Мне удалось поддержать старинный гамбургский дом в его ценностях, креативности, изобретательности, а главное — в его амбициях, в его притязаниях на место, которое он призван занимать. Новая реклама, новые бутики, новые линии производства, новые стратегические партнерства. Мы вышли в сеть. Мы объединили наших основных продавцов на ключевых рынках. Четыре года в Montblanc были полны инициатив, и по большей части очень плодотворных. Это позволило дому месяц за месяцем сохранять позитивную динамику. Мы, оказывается, многое предвидели.

— Что же вы разглядели раньше других?

— Montblanc первым заговорил о правильном соотношении цены и качества, об опасностях постоянного повышения цен на часы, которое многие другие дома считали нормальным процессом. Мы начали раньше и сделали выводы вовремя, наша стратегия подросла как раз к моменту, когда люди стали искать настоящие ценности за настоящие деньги. Мы могли бы беззастенчиво снимать сливки в момент большого спроса, но мы удержались и от этого только выиграли.

— А как же ваши сложные часы?

— Когда у вас есть надежный фундамент, можно стремиться к горным вершинам. Так мы считали в Montblanc. Число сложных часов, стоящих более €20 тыс., за это время удвоилось. Важной была идея работать над усложнениями вместе с принадлежащей нам мануфактурой Minerva. Это хорошо не только с точки зрения позиционирования марки, это дает возможность расширить предложение.

— Вы думаете, что сложным часам не угрожает забвение?

— Нет-нет. Я думаю, что красивые и сложные часы никогда не выйдут из моды. Например, в этом году мы привезли в Женеву TimeWalker Chronograph 1000 Limited Edition, способный измерять тысячную долю секунды. У нас есть отличный тонкий турбийон Montblanc 4810 ExoTourbillon Slim. И наконец, крупные часы TimeWalker Chronograph Rally Timer Counter, которые можно носить на руке, в кармане, превратить в настольные часы или укрепить на приборной доске машины. Однокнопочный хронограф с механизмом Minerva в очень легком корпусе из титана. Это сюрприз нашим клиентам. Если мы будем делать только обычные часы, к нам могут потерять интерес как к марке, знающей толк в усложнениях. Зачем иначе мы покупали такую кузницу часового мастерства, как мануфактура Minerva?

— Гордясь своей старинной мануфактурой, вы тем не менее не пишете на циферблате «Minerva».

— Зачем же писать на циферблате «Minerva»? Это означало бы, что Montblanc менее важен. А это не так. Тесная связь наших заводов в Ле-Локле и Minerva в Виллере — это тоже наше завоевание последних лет.

— Что вы возьмете с собой в Женеву? Ручку Montblanc?

— Ручку и часы. Я куплю хронометр в бронзовом корпусе с механизмом Minerva — Montblanc 1858 Chronograph Tachymeter Champagne. И еще часы с функцией мирового времени Heritage Spirit Orbis Terrarum.

— Вы коллекционируете часы?

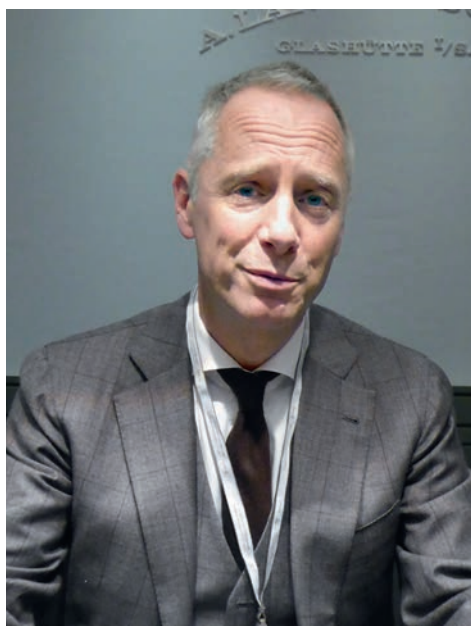
— Я работал в трех домах и покупал то, что я искренне любил. Но я бы не назвал себя коллекционером. Это будет мне напоминать о работе и о последнем, семнадцатом для меня SIHH. Хорошо, когда испытываешь сожаление, оттого что находишься здесь в последний раз, а не облегчение, оттого что наконец-то больше не будешь иметь дело с часами.

Беседовал Алексей Тарханов

— Montblanc
1858 Automatic

МЫ ОСОБЕННАЯ МАРКА ДЛЯ ОСОБЕННЫХ ЛЮДЕЙ ВИЛЬГЕЛЬМ ШМИДТ, A. LANGE & SOHNE

A. Lange & Sohne
Zeitwerk Decimal Strike

Глава прославленной саксонской часовой мануфактуры A. Lange & Sohne Вильгельм Шмидт встретился с нами через день после того, как было объявлено о смерти Вальтера Ланге — человека, который возродил марку своих предков и сделал ее желанной для часовых коллекционеров всего мира.

— Каким был для A. Lange & Sohne прошедший год? Со всех сторон мы слышим жалобы.

— Нам жаловаться не на что. Для A. Lange & Sohne этот год был хорошим. Не скажу, что прекрасным, лучшим в истории, поскольку финансовый год еще не закончился, но хорошим. Новинки прошлого года распроданы. У нас нет запасов на складе. Конечно, я бы хотел, чтобы наших бутиков в мире стало больше, но мы только что расширили производство, так что не будем забегать вперед. В целом мы неплохо переносим нынешние сложности, которые так или иначе касаются всех.

— Может быть, дело в особенностях вашей марки? Начать с того, что вы — единственные не швейцарские часовщики в группе Richemont. Даже итальянцы из Panerai и французы из Cartier все часы производят в Швейцарии.

— Мы особенные, согласен. Наша марка из маленького Гласхютте не очень известна. Мы особенная марка для особенных людей. Если вы не входите в число тех, кого принято называть часовыми энтузиастами, если вы не коллекционер, то вы, скорее всего, о нас и не знаете. А вот если вы покупаете наши часы, то, скорее всего, покупаете их для себя. Поэтому, к примеру, рождественский период для нас не так важен, как для других, ведь наши часы очень редко используют для подарка. Как бы это странно ни звучало, такое особое положение на рынке делает нас менее уязвимыми. Пока существует, я бы сказал, аппетит к хорошим часам, будет существовать и спрос на A. Lange & Sohne.

— И вы способны удовлетворить этот спрос?

— Ежегодно мы выпускаем несколько тысяч часов. Не стану уточнять. Скажем, меньше десяти тысяч. Я не уверен, что этого достаточно для наших клиентов, но дело ведь тут не только в цифрах. Вот, к примеру, наши Turbographe Perpetual «Pour le Merite». В первый же день работы SIHH мы получили на них больше заказов, чем можем выполнить, потому что мы выпустили только 50 таких часов. И нам потребовалось на это четыре года. Для выпуска 100 штук нам потребуются долгие годы. Дефицит на такие часы будет существовать всегда, но я думаю, что это правильно.

— Может быть, воспользоваться спросом и выпускать более простые модели? И не в золоте, а в стали, как делают все остальные?

— Мы не хотим простых стальных часов с двумя стрелками. Мы не будем их выпускать. Понимаете, бренд определяется не только тем, что он делает. Но и тем, чего он не делает. И мы придерживаемся этой нашей стратегии, поскольку считаем, что это лучше, чем гнаться за модой, которая может уже завтра исчезнуть.

— Но ведь не все ваши часы так сложны, как «Pour le Merite»?

— У нас много разных моделей. От молодых и футуристичных Zeitwerk до классических Lange 1.

— А какие из ваших часов больше всего интересны вам?

— Я всегда говорю, что если бы передо мной поставили задачу выбрать единственную модель из всех и носить ее всегда, то, скорее всего, это были бы Datalograph Up & Down. К счастью, у меня этой проблемы нет. Я всегда ношу несколько часов. Это преимущество моей работы.

— Вы продолжаете сотрудничество с культурными организациями Саксонии?

— Наш бренд ко всему подходит очень тщательно. Мы поддерживаем знаменитый Королевский кабинет математических и физических инструментов во дворце Цвингер. Мы сотрудничаем с Дрезденской оперой и помогаем детскому хору в Крейцкирхе. У нас очень интересный книжный проект под названием «Знаки времени». Но мы небольшая компания, а это значит, что мы должны фокусироваться на самых важных вещах.

— Вальтер Ланге возродил A. Lange & Sohne после объединения Германии. Теперь компания осиротела.

— Правнук основателя мануфактуры оставался очень важной фигурой. Даже после приобретения A. Lange & Sohne компанией Richemont. Он создавал ощущение семейного бизнеса, необходимое нам и нашим гостям. Вальтер Ланге был очень независимым человеком. Я помню нашу первую встречу в королевском дворце в Дрездене в декабре 2010 года, на приеме по случаю 165-летия марки. Его дружбу и доверие нужно было заслужить. Нам всем будет его не хватать. Я помню, как он ходил по мануфактуре, как разговаривал на равных с самыми молодыми часовщиками или даже подмастерьями. Конечно, за последние пару лет мы начали понимать, что энергия его небезгранична, ему же было 92 года, тем не менее я много раз ловил себя на мысли, что он еще зачитает заявление о моей отставке!

Беседовали Николай Зубов, Алексей Тарханов

CALIBRE 2 ПОЗВОЛЯЕТ УВИДЕТЬ ЦВЕТОК ИЗНУТРИ НИКОЛА БО, CHANEL

— **Chanel Premiere Camellia Skeleton.** Премьера второго собственного механизма марки — Calibre 2. Ручной подзавод, запас хода 48 часов. Корпус из белого золота, механизм и мосты украшены 246 бриллиантами. Браслет из белого золота с 282 бриллиантами багетной огранки. Лимитированная серия 12 экземпляров

Премьера нового механизма часов Chanel была устроена на Вандомской площади. Глава часового направления марки Никола Бо показал его лишь нескольким журналистам. Но уже скоро модель Premiere Camellia Skeleton будет представлена на Базельской часовой ярмарке.

— Сначала вы сделали сложные мужские часы Monsieur de Chanel с первым механизмом Calibre 1, который марка разработала специально для них. Теперь вы представляете Calibre 2 и женскую модель Premiere Camellia Skeleton.

— Название, мне кажется, многое о ней говорит. Речь идет о скелетонизированном механизме. В нем нет усложнений, но он был сконструирован так, чтобы открыть взгляду систему мостов в форме камелии. Это, как вы знаете, один из любимых цветков Габриэль Шанель. Так что рисунок был задан нашими дизайнерами, а потом конструкторы начали работу над мостами и шестеренками, спрятанными под ажурной камелией.

— То есть это механизм, сконструированный по законам красоты?

— Это новое отношение к скелетону. Как правило, скелетонизированные механизмы — это механизмы существующие, с которыми проведена работа по вычитанию: из них выкинули все, чтобы сделать их более прозрачными. Здесь же прозрачность и рисунок были заданы с самого начала. И механизм проектировался для того, чтобы вы заглянули в камелию как можно глубже. Calibre 2 позволяет увидеть цветок изнутри.

— Ваш механизм не относится к сложным, но вы сделали все, чтобы усложнить его декорирование. Вероятно, на это ушло больше времени, чем на сборку калибра.

— Разумеется, главным для нас было украшение механизма, пусть не самого сложного в смысле механики, но очень сложного в смысле отделки. Его сборка занимает у наших мастеров 12 часов, время декорирования — больше. Каждая поверхность колес, платины, мостов обработана для достижения наилучшего визуального эффекта. Посмотрите, к примеру, как сделаны узлы с рубиновыми камнями. Лунки для рубинов обработаны и отполированы внутри. Обычно рубины плоские, они находятся заподлицо с мостами, здесь же рубины поднимаются над ними, как в ювелирных украшениях. Кроме того, мы можем украсить механизм бриллиантами. Учитывая тонкость мостов, это нелегкая работа для наших ювелиров. Вы знаете, что сейчас многие марки обрабатывают только видимую сторону механизма, — мы же считали своей обязанностью навести красоту с обеих сторон.

— В чем главное отличие вашего нового Calibre 2 от уже знакомого нам Calibre 1?

— Calibre 1 для мужских часов Monsieur не используешь ни в каких других моделях. Это был механизм для специально спроектированного крупного круглого корпуса. Calibre 2, как вы видите, размещен в прямоугольном кор-

— **Chanel Premiere Camellia Skeleton**

— Мосты в виде камелии несут рубины и бриллианты

пусе часов Premiere, с которых 30 лет назад началось создание часовых линий Chanel.

— Но вы сможете, если понадобится, поставить Calibre 2 и в круглый корпус?

— Да, этот механизм может эволюционировать, изменяться. Подстраиваться под другие типы корпуса.

— Значит ли это, что Calibre 2 — ваш базовый механизм?

— Можно сказать и так, теперь у нас есть собственный базовый механизм. Для любой марки это очень важное событие. Мы сможем не раз использовать Calibre 2, добавить усложнения, изменить функции, представить в других формах.

— И не обязательно в форме камелии?

— На самом деле, если понадобится, мы сможем даже изменить конфигурацию мостов и расположение колес. Мы сможем сделать детали такого размера, какого мы хотим, чтобы получить другой рисунок. Это наш собственный калибр, и мы не связаны размерами, которые обычно заранее заданы производителями покупных механизмов. Мы сможем все поменять, раз мы все сделали сами. К тому же Calibre 2 не связан со строго определенными функциями, как Calibre 1, специально задуманный с ретроградными минутами и с прыгающим часом. Тот, кстати, занял у нас пять лет. На разработку Calibre 2 ушло три года.

— Сборка и украшение механизма происходит на вашем швейцарском заводе Manufacture Suisse Chatelain?

— Практически все — сборка, обработка мостов, крепление драгоценных камней — происходит у нас, а вот зубчатые колеса производит и декорирует наш партнер Romain Gauthier.

— Это часы с ручным подзаводом, в то время как считается, что женщины предпочитают автоматы. Вы не захотели закрыть ротором вашу камелию?

— Разумеется! Заводить их легко, к тому же подзавода хватает на два дня. Зато вы можете насладиться их красотой. Мы считаем, что женщины любят часы не совсем по тем же причинам, что мужчины. Мужчины больше привязаны к технике, женщины — к эстетике, красоте.

— Сколько «Камелий» вы планируете выпускать в год?

— В этом году мы сделаем около 70 разных часов — с черными мостами, с бриллиантами и даже с рубинами, но количество не ограничено. Мы посмотрим еще на реакцию Базеля, она подкорректирует наши ожидания.

Беседовал Алексей Тарханов

теперь у нас есть собственный базовый механизм. для любой марки — это важное событие

ЦЕНУ ЧАСАМ НАЗНАЧАЕТ ИСТОРИЯ ФРАНСУА-ПОЛЬ ЖУРН, F.P. JOURNE

Как всегда, в дни SIHH Франсуа-Поль Журн представлял свои новые часы. Однако совсем новыми их не назовешь. Самое интересное в них то, что они продолжают и завершают его знаменитую серию Vagabondage.

— Неужели вы решили завершить ваши «странствия» с Vagabondage?

— Я думаю, никто не ожидал продолжения, да? Третьи Vagabondage похожи на первые и вторые тем, что у них одна форма и цифровое отображение времени. С точки зрения маркетинга это особые часы, потому что на их циферблате нет моего имени и имени моей марки. О том, что они «F.P. Journe», должны рассказать их форма и способ отображения времени.

— Значит, для того, чтобы их узнать, надо было видеть предыдущие модели? Напомните нам о них.

— Первые часы Vagabondage я сделал в 2004-м к 30-летию аукционного дома Antiquorum. Мы продавали их в пользу ICM, парижского Института исследования головного и костного мозга. Часы ушли гораздо дороже, чем мы ожидали, и я хотел их повторить, сделав маленькую серию из 69 моделей для коллекционеров. Теперь я решил сделать третью. Это неплохо — завершать историю. Ну а поскольку моя марка не из тех, что выбрасывают на рынок лимитированные серии каждую неделю, между первым и вторым выпуском прошло семь лет, между вторым и третьим — тоже семь. Надо же как минимум построить механизм, причем специфический и специально для этого предназначенный, а не модуль, на который накладывается базовый калибр. Каждый Vagabondage — механизм, разработанный от А до Я. Это требует времени, зато мы, пожалуй, единственные, кто готов сделать полностью новый механизм для серии в 137 часов. Среди них 69 в платиновом корпусе и 68 в золоте.

— Не будут ли в обиде те, кто покупал строго лимитированные первые и вторые?

— Ничуть. Они, наоборот, оказываются в привилегированном положении. Новые Vagabondage смогут купить только те, у кого есть предыдущие.

— Не странное ли это требование?

— Представьте себе фильм. Была завязка, потом главная часть, а теперь развязка, но ее узнают только те, кто внимательно просмотрел весь фильм. Нельзя срезать дистанцию. Многие из тех, кто не очень понял вторую часть, сейчас осознали, что они упустили, и теперь говорят: «Мы хотим эти новые часы». «Нет, для этого нужно, чтобы у вас были предыдущие», — отвечаем мы. «Но как же их купить, если мы не купили их раньше?» Чтобы сделать это сегодня, надо постараться. Есть продажи с аукциона, есть антиквары, ну а на будущее лучше не пропускать серий. Все равно этих часов не хватит на всех желающих, потому что у нас сейчас гораздо больше клиентов, чем было семь, а тем более четырнадцать лет назад.

vagabondage III — особые часы.
на циферблате нет моего имени
и имени моей марки

— F.P. Journe
Vagabondage III.
Корпус из розового
золота.
Лимитированная
серия 68 экземпляров

— F.P. Journe
Vagabondage III.
Корпус из платины.
Лимитированная
серия 69 экземпляров

— Вы лимитируете не только часы, но и людей?

— Надо ставить условия. Цену часам назначает история. И мы не бросаемся из стороны в сторону, все, что нами начато, будет продолжено. В течение десяти лет цена наших часов увеличится. Это не попытка получить поскорее деньги сегодня или завтра, мне некуда спешить.

— Сейчас все говорят о том, что часам приходит конец.

— Конец только в том, что у создателей часов кончились идеи. Меняют расцветку, циферблаты, не знают, как понравится клиентам, но где идеи?

— Все марки стали делать самые простые и дешевые часы, чтобы подвинуть людей к покупкам. Думаете ли вы, что это хорошая стратегия?

— Я не знаю, и, к счастью, это не мое дело. Каждая марка — пирамида, и в ней есть ступеньки. Можно увеличить количество часов, уменьшив цены и, соответственно, качество. Так все и делают. Но проблема в том, что они делают это одновременно и на одном пяточке. Сегодня Rolex не имеет конкурентов в своем направлении, Patek Philippe — в своем, точно так же, как не имеют их Tissot и Longines. Все остальные находятся в одной и той же нише и толкаются там локтями, пытаясь занять все места одновременно. Как только одна марка опускает цену, другая тут же говорит: «Мы тоже перепишем ценники, а то они нас обойдут». И все в одно и то же время начинают эту гонку, в конце которой тупик.

— Вы не сделаете простые часы с тремя стрелками?

— Вообще-то я занимаюсь не часами, а часовым искусством. А в нем имеет значение вовсе не форма часов и не цвет циферблата. Оно проявляется в часовых усложнениях, и единственное ограничение заключается в том, чтобы они были хорошо придуманы, удобны в использовании и не мешали часам показывать точное время. Точность — вежливость не только королей, но и часов.

Беседовал Алексей Тарханов

ВСЕ ХОТЯТ БЫТЬ CARTIER, А МОЖЕМ ТОЛЬКО МЫ ПЬЕР РАЙНЕРО, CARTIER

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Директор Cartier по стилю и наследию Пьер Райнеро все знает про свою марку так, как будто участвовал в создании всех ее часов с самого начала прошлого века, сидел в кабинете с Луи Картье или сотрудничал с «пантерой» Жанной Туссен, арт-директором парижского дома в 1930-х годах.

— Все говорят о тяжелой ситуации на часовом рынке. Каков будет эстетический ответ Cartier?

— Наш подход будет очень простым, весьма очевидным: мне кажется, что в такие сложные периоды, как сейчас, со стороны марок ответ может быть только один: сконцентрироваться на том, что им присуще, на том, что им свойственно. Игра на чужом поле в такие моменты не приносит успеха. То же самое со стороны клиентов — им стоит искать в каждой марке то, что она делает лучше всего. Правда, здесь с нами будет трудно соревноваться. Нам свойственно многое, мы многое делаем лучше других.

— Такой же совет вы давали и во время прошлого кризиса, мы видимся с вами не первый раз. Но есть ли что-то, что отличает вашу стратегию в 2017 году от предыдущей?

— Вы правы. Так было и раньше, так обстоит дело и сейчас. Но есть еще одно условие. Мы живем в эпоху полезных предметов. Нужно предлагать продукты, которые полностью приспособлены к современному миру. Вещи, которые вы точно будете носить не только потому, что их полюбили, или потому, что они красивы. Они должны быть удобны и современны. Вот вам второй и очень важный критерий.

— В чем же тогда ваша особенность? Вы же историческая марка, вы — про красоту.

— Наша огромная история создала для нас целую сокровищницу образов, которыми мы располагаем. Мы всегда узнаваемы. Главное, что нам свойственно: дизайн, форма, стремление к совершенству во всем. Элегантность — очень связанная как с дизайном, так и с тем, что мы работаем с

благородными ювелирными материалами. Все хотят быть Cartier, но можем только мы.

— Вы решили привезти на Женевский салон новую линию — *Panthere de Cartier*. Как это соответствует тому, о чем мы говорили?

— Я думаю, что идея привезти на салон «Пантеру» великолепно иллюстрирует все, о чем я вам рассказывал. Коллекция этого года *Panthere de Cartier* показывает нашу верность истокам, способность наших вещей адаптироваться к новому образу жизни и прекрасный дизайн с острым и ясным художественным образом. Ну и качество и драгоценные металлы.

— Вы считаете, что вернулось время золотых часов? Все марки спешат обратиться к стали.

— Часы из золота идеальны. Их легче носить в современных условиях. Кроме того, часы из золота напоминают людям времена, когда часовщики работали с традиционными металлами, известными на протяжении столетий. Сейчас все изобретают новые материалы, которых раньше не было у скульпторов, золотых дел мастеров, ювелиров. У нас же в течение многих лет охотнее покупали часы с бриллиантами, чем в чистом золоте. Это изменилось. Мы видим, что сегодня очень популярны золотые часы без камней.

— Почему именно «Пантера»? Чем дорога вам эта линия?

— Если женщина хочет носить элегантные часы, которые сообщали бы ей о чем-нибудь, кроме времени, «Пантера» ей поможет. Это наш тотем, наше священное животное, если хотите.

— Ваша *Panthere de Cartier* напомнила мне ваш же знаменитый *Santos*. В чем разница?

— Вы не первый, кто меня об этом спрашивает. Признайтесь, что на самом деле ваш вопрос звучит так: почему у «женской» «Пантеры» черты «мужского» «Сантоса»? В чем-то вы правы, если посмотреть на корпус «Пантер» до 1983 года, можно сказать, что он — наследник корпуса «Сантосов» начала XX века. Но эти часы, похожие по форме, очень разные. Кольцо циферблата у *Santos* — плоское, и оно расположено выше. У *Panthere de Cartier* оно ниже и округлено. Отличаются друг от друга и крепления браслетов, и сами браслеты. То есть одна модель — более геометричная, другая — более органичная. Одна — из мира техники, другая — из мира природы.

— Когда вы говорите о «Пантерах», я вспоминаю ваши фигуративные часы с изображением пантер.

— Я начинал работать над этой линией много лет назад, она же не в этом году появилась. Помню, как мы думали над названием. Но если наша линия и стала *Panthere de Cartier*, то не потому, что мы собирались рисовать или лепить животных на циферблате, а потому, что движения браслета напомнили нам грациозные движения пантеры.

— Продолжит ли Cartier выпускать сложные часы, над которыми работают ваши инженеры во главе с Кароль Форестье? Или настало время для более простых моделей?

— Мы создали так много сложных часов, как мало кто другой. Мы давно доказали, что мы специалисты в этой области. И у нас есть спрос на сложные часы. Но мы решили подчеркивать наше отличие. Показывать то, что мы, Cartier, вносим в мир сложных часов. К примеру, наши нарисованные по законам фирменной графики скелетоны или «магические» часы со стрелками и даже турбийоном,двигающимся в пустоте. Это именно то, чего от нас ждут.

Беседовал Алексей Тарханов

— Cartier Panthere de Cartier. Сталь

— Cartier Panthere de Cartier. Розовое золото и черный лак

— Cartier Panthere de Cartier. Белое золото, бриллианты

ЧАСТЬ НАШЕЙ ЦЕННОСТИ — НАША ИСТОРИЯ

ПАТРИК ХОФФМАН, ULYSSE NARDIN

Патрик Хоффман стал генеральным директором Ulysse Nardin еще в то время, когда марка принадлежала семье Шнайдер. Он был ближайшим помощником спасителя и патрона компании Рольфа Шнайдера, а после его смерти взял дело в свои руки, доверив президентство вдове хозяина Чан Шнайдер. Хоффман остался во главе марки и тогда, когда Ulysse Nardin купил люксовый холдинг Kering, принадлежащий Франсуа Пино. Вместе с другой компанией из Kering — Girard-Perregaux — Ulysse Nardin обрел в этом году выставочные пространства на SIHH.

— SIHH и Baselworld очень отличаются друг от друга. Как вам ваша первая Женева?

— Отличаются — не то слово! Полвека мы участвовали в работе Базельского салона, и «переезд» в Женева для нас — очень важный шаг. Мы все очень волновались, но оказалось, это не так уж и сложно. Здесь все отлично организовано, чувствуешь себя частью большого часового механизма.

— Такого же сложного, как новые Ulysse Nardin InnoVision 2, на которые с изумлением глядят посетители вашего стенда?

— InnoVision 2 — модель, которая, соглашусь с мнением, что я услышал недавно, на первый взгляд выглядит макетом, гаджетом, не часами. Тем не менее это, конечно, часы. Возможно, они будут не слишком понятны для неподготовленного клиента, но с точки зрения будущего — и нашей марки, и часового производства — они необыкновенно важны. Это такая же энциклопедия новинок, как когда-то наши Freak. Новинки во всем — от системы спуска с кремниевыми деталями до системы подзавода.

— Вы были среди первых в Швейцарии, кто занялся разработкой и производством кремниевых деталей.

— Наша марка всегда придавала особое значение собственным техническим ноу-хау. Ulysse Nardin умеет совмещать, объединять, смешивать технологические прорывы и вечную классику. И вы правы, мы горды тем, что мы используем совершенно новый, футуристичный материал — кремний. Когда-то мы были одной из трех марок, которые начали применять его для изготовления механизмов. Теперь кремний — нечто само собой разумеющееся. Я слышал, что даже Tissot объявила, что будет использовать его в будущем. Мы не ревнуем! Для нас это еще одно подтверждение того, что мы сделали правильный выбор, что мы можем быть совершенно уверены в этом материале. Кроме того, использование кремния позволило нам уже в этом году продлить гарантию на наши часы до пяти лет.

— Вы по-прежнему поддерживаете парусный спорт? Ведь Ulysse Nardin был когда-то авторитетнейшим производителем морских хронометров?

— Ulysse Nardin — это особенное производство, особенная марка, для которой очень важны и инновационность, которой мы гордимся, и сохранение традиций. Мы не могли в год, когда проводится 35-й Кубок Америки, партнером которого мы являемся уже давно, не представить Marine Regatta. Это хронометр, специально приспособленный для морской регаты. Посмотрите, как меняет ход секундная стрелка: против хода часов, а затем по ходу. Такого никто не делал!

— В этом году у вас немало часов с эмалью.

— Наша новинка — Jade LionFish, женская модель, в которой используется особая эмаль, сохранившаяся в мастерских Donze Cadrans в нашем родном Ле-Локле. Мы купили эту компанию пять с лишним лет назад. Еще тогда я говорил о том, что мы делаем это для того, чтобы сохранить потрясающее искусство эмали. И если поначалу эмаль была для нас все-таки чем-то вторичным, то теперь это важная часть нашей бизнес-модели. 19 из 35 наших новинок вышли с эмалевыми циферблатами.

— Сейчас многие марки обращаются к истории, чтобы предложить клиентам проверенные «вечные ценности».

— Мы тоже так поступаем. Наша особая гордость — винтажная коллекция, которую мы сделали буквально за год. В прошлом году в Базеле у нас была возможность обсудить эту идею и с ритейлерами, и с экспертами. Затем мы на день закрылись в музее Ulysse Nardin в Ле-Локле и выбрали те модели, которые можно назвать столпами нашей марки. Наши покупатели заинтересованы в настоящей ценности. А часть нашей ценности — наша история. И все, что мы делаем, на ней основано. Коллекция Marine, например, полностью следует нашей истории.

— Ваш музей в Ле-Локле сослужил вам хорошую службу? Он развивается? Кажется, он был не очень велик.

— Конечно, ему надо уделять больше внимания. Тем не менее уже после того, как наша марка перешла под контроль Kering, мы его в значительной степени переделали. Мы выкупили у семьи некоторые часы, которые ей принадлежали, и поместили в музей. Наша задача — сделать так, чтобы в коллекции были все самые важные модели, которые наша мануфактура произвела за все время своего существования.

— В том числе шедевры вашего часового гения Людвиг Окшлина. Он не уходит на пенсию? Вы продолжаете с ним работать?

— В 2021 году ему исполнится 75 лет. Как вы думаете, чем мы это отметим? Новыми идеями для 2021 года. Работы много, вы будете удивлены.

Беседовали Николай Зубов, Алексей Тарханов

Ulysse Nardin
InnoVision 2

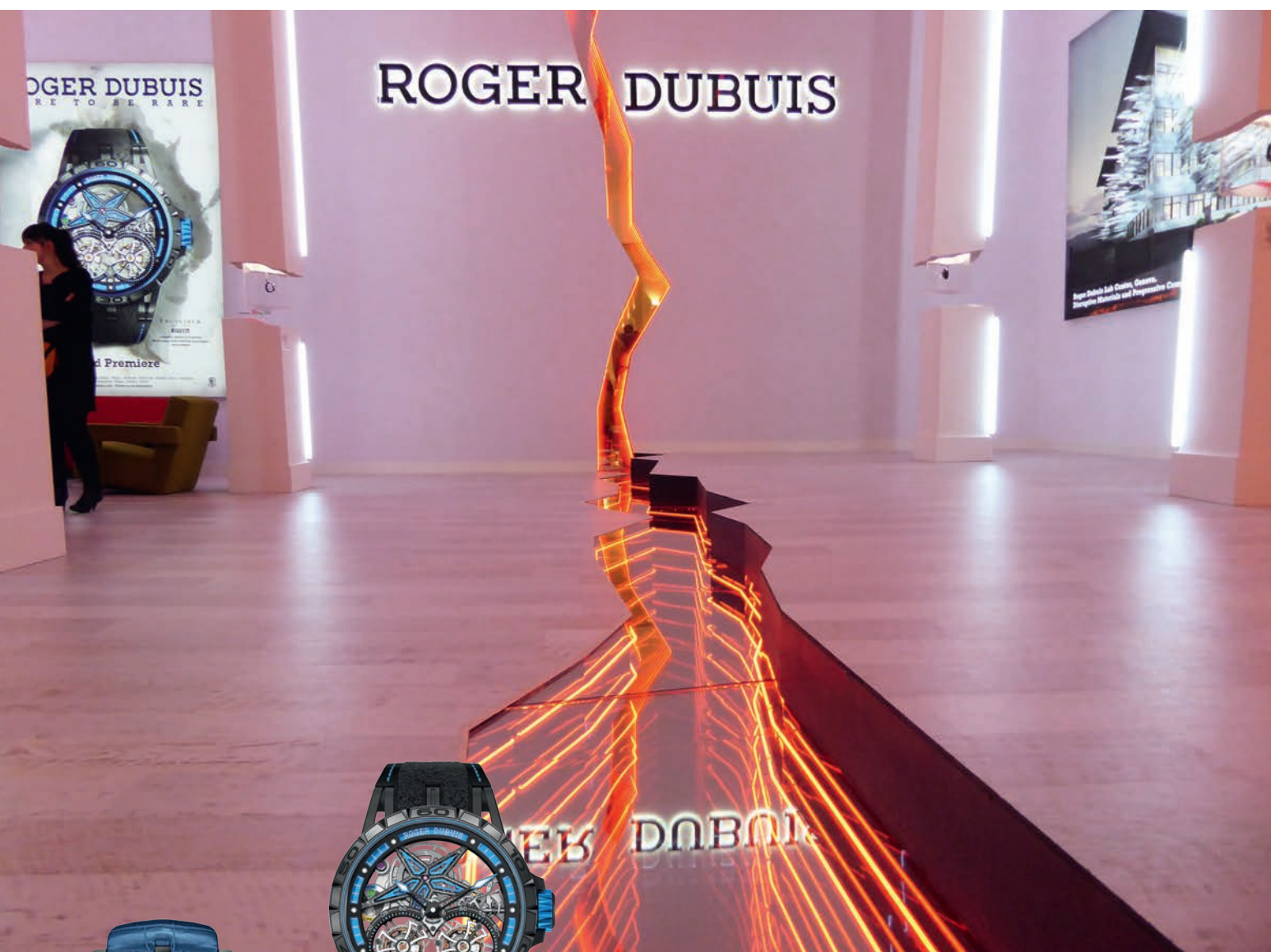
Ulysse Nardin
Marine Regatta

ИЗВЕРЖЕНИЕ ЧАСОВОГО ВУЛКАНА О НОВИНКАХ SIHH В ЖЕНЕВЕ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Салон высокого часового искусства в Женеве — SIHH — главное событие начала часового года. Первый звонок для коллекционеров и продавцов, возможность приехать и определить свои закупки на начало года. Был момент, когда SIHH ослаб. Марки перебирались в другие города. Но этот год вышел весьма многолюдным. Женеве не только не исчезла с часовой карты, она

еще и начала принимать у себя игроков, которые покидают слишком шумный и слишком демократичный Базель.

В прошлом году она приютила в своем «Квадрате часовщиков» многих молодых и независимых, и их количество в этом году только увеличилось. Кроме того, среди главных участников оказались два очень важных новичка — Girard-Perregaux и Ulysse Nardin. Марка Girard-Perregaux, которая долго была одним из главных участников SIHH, пережила момент увлечения Базельской ярмаркой и вернулась в Женеву, а Ulysse Nardin, всегда выставывавшаяся в Базеле, последовала за своей соседкой по группе Kering. Еще одной особенностью женевской недели стало развитие сопутствующих SIHH программ. Bvlgari поделилась новинками на выставке в отеле Des Bergues. Франсуа-Поль Журн принимал гостей в своей женевской мануфактуре. А часовое подразделение LVMH, которым руководит Жан-Клод Бивер, открыло представительство Hublot, Zenith и TAG Heuer на корабле, пришвартованном на Женевском озере.

__ Roger Dubuis
Excalibur 36 Automatic

__ Roger Dubuis
Excalibur Spider Pirelli
With Double Flying
Tourbillon

Roger Dubuis

Марка Roger Dubuis ставит прежде всего на образ — это самые «художественные» часы на Женевском салоне. В то же время мануфактура, созданная известным часовщиком Роже Дюбуи, располагает немалым количеством собственных совершенных механизмов, в основном скелетонизированных, вроде турбийонов Excalibur и стрекочущих сразу четырьмя узлами спуска Quatuor. За технику отвечает глава марки Жан-Марк Понтруэ, а за дизайн — креативный директор Алваро Маджини, в этом году заключивший союз с шинниками Pirelli и сумевший превратить стенд в место геологического разлома.

A. Lange & Sohne
Zeitwerk Decimal Strike

A. Lange & Sohne
Saxonia

A. Lange & Söhne

Саксонцы из A. Lange & Söhne привыкли удивлять. Они могут сделать все — от турбийона до спирали. Как сказал на презентации глава отдела конструирования механизмов Тино Бобе, у них на SIHH скромное предложение — «всего» семь новых часов и пять новых механизмов. Даже самые простые среди них — Saxonia — чудо часового искусства, что говорить о Zeitwerk Decimal Strike с десятиминутным, а не с четвертным боем, и Tourbograph Perpetual 'Pour Le Merite', за которым надо занимать очередь лет за десять.

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

A. Lange & Sohne
Tourbograph Perpetual
«Pour Le Merite»

A. Lange & Sohne
Lange 31

Audemars Piguet
Royal Oak Perpetual
Calendar Black
Ceramic

Audemars Piguet
Royal Oak
Chronograph

Audemars Piguet
Royal Oak Extra-Plate

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

Audemars Piguet

Марка Audemars Piguet собирает урожай своих Royal Oak — их самая знаменитая модель с 1970-х годов остается их главным кормильцем. В этом году они использовали особый способ обработки золота, чеканку Frosted Gold. Для разработки техники из Флоренции пригласили мастера-ювелира Каролину Буччи. Разумеется, предлагаются и классические усложнения вроде вечного календаря Audemars Piguet Royal Oak Perpetual Calendar. Замечательная работа главы инженерного отдела марки Джулио Папи уже видана в стали, но теперь она уложена в черный керамический корпус.

Baume & Mercier
Clifton GMT Reserve
de marche

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

Baume & Mercier

Женевская компания Baume & Mercier к нынешней ситуации — «цена за качество» — как будто бы готовилась заранее, представив серию своих самых классических часов Collection Classima с кварцевым механизмом по очень привлекательным ценам. Это идеальные первые часы или часы для подарка. Рядом на стенде Baume & Mercier показали знаменитый американский гоночный автомобиль Shelby Cobra — в пандан к разработанным их главным дизайнером Александром Перальди часам Clifton Club Shelby Cobra, которые явно станут не менее известными.

Baume & Mercier
Classima 36 mm

— IWC Da Vinci Automatic 36

— IWC Da Vinci Automatic 36

— IWC Da Vinci Automatic 36 Phase de Lune

IWC

Марка IWC привезла в Женеву новые варианты своей знаменитой линии Da Vinci, существующей с 1969 года и много раз становившейся платформой для новаторских усложнений, — достаточно вспомнить хотя бы вечный календарь Курта Клауса. В 2007 году IWC изменила форму корпуса Da Vinci с круглой на «бочку», а теперь вернулась к прежним вариантам, которые больше соответствуют нынешнему спросу на часы простых форм. Наиболее представительны в этом смысле две модели — Da Vinci Automatic 36 и Da Vinci Automatic Phase de Lune.

— Zenith Heritage 146

— Zenith El Primero 36'000 VpH

Zenith

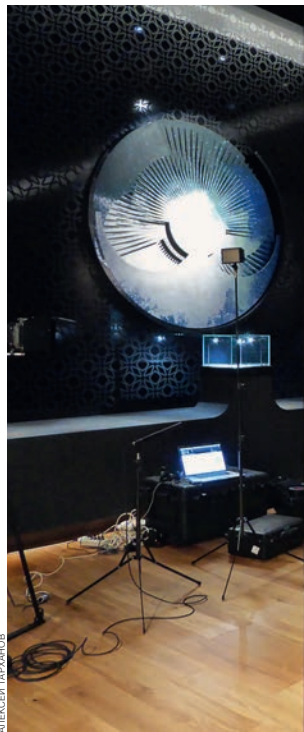
Все ожидали новостей от старинной марки Zenith, которую как раз перед SIHH возглавил Жан-Клод Бивер. Многие волновались, не слишком ли радикальны перемены. Новые часы развеяли опасения. Это все тот же Zenith, который приобрел, однако, не всегда свойственную ему в последние годы смелость и блеск. Часы на основе знаменитого механизма El Primero стали четче и строже выглядеть. Новый материал корпуса — керамизированный алюминий — стал тонкой рамкой для циферблатов насыщенного черного или серебристого цвета.

— Vacheron Constantin Les Cabinotiers Celestia Astronomical Grand Complication 3600

— Vacheron Constantin Traditionnelle chronograph perpetual calendar

__Cartier Panthere de Cartier

__Cartier Panthere de Cartier

__Vacheron Constantin Patrimony Moon Phase Retrograde Date

Vacheron Constantin

В длиннейшей истории марки было немало необыкновенных и даже эксцентричных моделей, на сей раз основные новинки выпущены в двух линиях, сами названия которых — Patrimony и Traditionnelle — говорят о том, что Vacheron Constantin ставит на проверенные ценности. На самом же деле в обеих линиях немало интересных усложнений — к примеру, ретроградная дата в Patrimony или минутный репетир в Traditionnelle. К тому же среди часов этого года уникальные астрономические Celestia Astronomical и часы «большого боя» Symphonia Grande Sonnerie.

__Cartier Panthere Royale de Cartier

__Cartier Panthere Joueuse de Cartier

Cartier

В этом году среди мужских моделей Cartier помимо фантастических усложнений, спроектированных Кароль Форестье в духе «магических» часов с висящими в пространстве стрелками и даже турбийонами (Ronde de Cartier Repetition Minutes Double Tourbillon Mysterieux), появилось несколько прекраснейших вариантов начатой в прошлом году линии Drive. Однако главная новость — возрождение давно известной и давно ожидаемой линии Panthere de Cartier. Базовые модели «Пантер», представленные в разных размерах, сопровождались целым парадом «пантер художественных».

__Vacheron Constantin Les Cabinotiers Symphonia Grande Sonnerie 1860

__Cartier Trait d'Eclat

__Van Cleef & Arpels
Emerald Cadenas

__Van Cleef & Arpels
Heure Marine

Van Cleef & Arpels

Ювелиры Van Cleef & Arpels не собираются спорить с конкурентами в классических усложнениях. Зато в изобретенных ими усложнениях «поэтических» французам нет равных. Нынешняя модель Lady Arpels Papillon Automate с бабочкой, которая бьет крыльями на циферблате, разрабатывалась почти шесть лет. Столь же драгоценен, как и единственный в своем роде механизм, рельефный циферблат, сочетающий выемчатую и витражную художественную эмаль. «Бабочку» сопровождают классические модели линий Cadenas и Bouton d'Or.

__Van Cleef & Arpels
Lady Arpels Papillon Automate

__Van Cleef & Arpels
Bouton d'or

Hautlence

Среди хитов появившейся в Женеве вместе с родственной H. Moser & Cie молодой марки Hautlence — новый вариант Playground Labyrinth. Вместо циферблата — вырезанный в золоте лабиринт, по которому можно гонять платиновый шарик. Если вам удастся загнать его в финишную лунку, механизм часов доставит его обратно на старт. «В то время как часы других марок торопят своих владельцев, — говорит глава Hautlence Сандро Реджинелли, — наши предлагают забыть о времени и, как в детстве, отключиться от всего, что происходит вокруг».

__Hautlence
Playground Labyrinth

Bvlgari

Новые варианты Octo — часов со сложной восьмигранной рамкой циферблата, выполненной с блеском и качеством супрематической скульптуры, — привезла в Женеву марка Bvlgari. В 2000-х годах в корпусе Octo выпускали преимущественно часы с усложнениями. На сей раз марка решила представить более свободную интерпретацию своего магического восьмиугольника. Главный дизайнер Bvlgari Фабрицио Буонамасса предназначает их молодым клиентам, которые должны поскорее выбросить свои коннектированные часы и надеть на запястье Octo Roma.

__Bvlgari Octo Roma

Ulysse Nardin

Марка Ulysse Nardin представила «регатный» хронограф Marine Regatta. Его задача — отмерить десять минут, которые отведены, чтобы выйти на старт. Часы отсчитывают их против часовой стрелки — потом переключаются в нормальный режим и начинают плюсовать время. Среди художественных моделей — репетир с циферблатом выемочной эмали «шанлеве» North Sea Minute Repeater. Ну а в экспериментальном InnoVision 2 — с десятком изобретений: от новой системы спуска с использованием кремния и искусственных алмазов до невиданной схемы автоматического подзавода.

Ulysse Nardin
Marine Regatta

Ulysse Nardin
Marine Regatta
Chronograph

Ulysse Nardin North
Sea Minute Repeater

АЛЕКСЕЙ ТАРАХАНОВ

Bvlgari Octo Roma

АЛЕКСЕЙ ТАРАХАНОВ

Richard Mille

Ришар Миль создал самый легкий механический хронограф в мире. Чтобы добиться веса в 40 граммов вместе с браслетом (механизм из них — всего 7), ему пришлось обратиться к работам нобелевских лауреатов Андрея Гейма и Константина Новоселова, которые изобрели новый вид углерода, названный графеном. Разумеется, до часовщиков свойствами прочнейшего и легчайшего материала воспользовались конструкторы, в том числе и команда McLaren F1, ставшая партнером Richard Mille. Чудо техники и технологии RM 50-03 McLaren F1 вышло маленькой серией — всего 75 экземпляров.

Richard Mille RM
50-03 Tourbillon Split
Seconds Chronograph
Ultralight McLaren F1

—Parmigiani Fleurier
Tonda 1950

—Greubel Forsey
Grande Sonnerie

—Greubel Forsey Art
Piece 2 Edition 2

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

GREUBEL FORSEY

Greubel Forsey

В недавнем прошлом Стивен Форси и Робер Гребель выпускали «художественные» часы вместе с художниками и скульпторами. На сей раз они решили, что художники — они сами, и поставили в рамку своих новых часов Art Piece 2 Edition 2 не фигуративную микроскульптуру, как раньше, а абстрактную — в виде своего двойного турбийона 30°. Другим украшением коллекции стала первая в истории марки модель с «большим боем» Grande Sonnerie, разработка которой заняла у часовщиков целых 11 лет.

—Parmigiani Fleurier
Ovale Tourbillon

Parmigiani

Среди часов, которые выпускает марка Parmigiani, руководимая теперь Мишелем Пармиджани, Tonda 1950 — один из бестселлеров. В этом году на SIHH были представлены варианты из титана и золота с циферблатами, сделанными из метеоритов. Новый Parmigiani Toric Chronometre вышел в авторском дизайне часовщика, известного своей любовью к классике: недаром он начинал с реставрации старинных часов. Но приверженность истории не мешает Мишелю Пармиджани находить в прошлом авангардные решения вроде стрелок-пантографов в Parmigiani Fleurier Ovale Tourbillon.

—Parmigiani Fleurier
Toric Chronometre

—Panerai Luminor
Submersible 1950 3
Days Automatic Acciaio

__TAG Heuer Carrera
Heuer 01 Full Black
Matt Ceramic

TAG Heuer

После нескольких лет отсутствия на орбите SIHH TAG Heuer вернулся в Женеву с моделью хронографа Carrera Heuer 01 Full Black Matt Ceramic. Марка использует разработанный пять лет назад мотор Heuer 01 для своих механических часов, соседствующих с «умными» коннектированными моделями, придуманными вместе с Google и Intel. Механизм помещен в корпус Carrera, сделанный из черной матовой керамики, и открыт как со стороны скелетонизированного циферблата, так и со стороны задней крышки с сапфировым стеклом.

__Piaget Altiplano 60th
Anniversary Collection

__Panerai Luminor
Marina Oracle Team
USA 8 Days

__Panerai LAB-ID
Luminor 1950
Carbotech 3 Days

Panerai

Марка Panerai подчеркнуто строга в дизайне. Но в этом году ее инженеры решили показать, сколько нового можно сделать в рамках привычных форм. Модель Panerai Laboratorio di Idee — Panerai Lab-ID — настоящая лабораторная работа над материалами. Корпус Luminor 1950 сделан из усовершенствованного углепластика Carbotech, а механизм с ручным подзаводом и трехдневным запасом хода укреплен на скелетонизированных мостах из особого композита, уменьшающего трение. Гарантия на Panerai Lab-ID™ продлена до невероятных 50 лет, впрочем, и часов выпущено всего 50.

Piaget

Марка Piaget выпустила коллекцию к 60-летию своей знаменитой модели Altiplano. Среди сверхтонких часов, которые на протяжении последних 20 лет представляла Piaget, были и турбийон с автоподзаводом, и вечный календарь, и хронограф. Два года назад марка установила мировой рекорд тонкости — часы Altiplano 900P имели всего 3,65 мм в толщину. На сей раз коллекция Altiplano состоит из классических моделей. Piaget не забывает о том, что в ее активе еще и ювелирные мастерские, поэтому некоторые модели получили не только цветные циферблаты, но и кольца-безели с бриллиантами.

__Jaeger-LeCoultre
Geophysic True
Second

__Girard-Perregaux
Tri-Axial Planetarium

Jaeger-LeCoultre

У Jaeger-LeCoultre в этом году — великолепная модель Geophysic Tourbillon Universal Time, в которой скомбинированы два усложнения. Одно из них — турбийон, придуманный когда-то для карманных часов и ставший с тех пор в наручных украшениях подороже бриллианта. К чуду механики добавили так называемое малое, но очень полезное усложнение — мировое время, которое позволяет одновременно читать время в 24 часовых поясах. Кроме флагманской модели семью «геофизиков» дополнили Geophysic True Second и Geophysic Universal Time — также с мировым временем, но уже без турбийона.

__Jaeger-LeCoultre
Geophysic Universal
Time

__Jaeger-LeCoultre
Geophysic Tourbillon
Universal Time

__Urwerk UR-T8

__Girard-Perregaux
Laureato

__Girard-Perregaux
Laureato

Girard-Perregaux

Марка Girard-Perregaux пережила момент увлечения Базельской ярмаркой и снова приехала в Женеву. В этом году в их женевской подборке — новая модель Girard-Perregaux Tri-Axial Planetarium: астрономические часы с миниатюрным глобусом. Но главное оружие Girard-Perregaux в борьбе за рынок — серия Laureato, стальных, золотых или биметаллических часов с восьмиугольным окошком циферблата. Они были созданы в 1970-х на волне той же моды, что модели-конкуренты, и могут поспорить с ними в том, кто появился первым и кто первым проложил дорогу к сердцу клиентов.

Urwerk UR-T8

Часовщик Феликс Баумгартнер и дизайнер Мартин Фрай представили очень красивую модель часов-трансформеров, вдохновленных классической моделью Reverso Jaeger-LeCoultre. Разница в том, что речь идет не о часах эпохи ар-деко в прямоугольном корпусе, а об устрашающей машине с черными насечками на спине и сателлитными указателями времени на лицевой стороне. Механизм сложен, но привычен для Urwerk, главное же в новых часах — дизайн корпуса.

__MB&F Horological Machine No. 7

MB&F

Свою седьмую «машину времени» Максимилиан Бюссер называет механической скульптурой. Формы MB&F HM7 Aquarod напоминают купол медузы, на самом верху которого бьется «летающий» турбийон. Система индикации времени состоит из концентрических кругов, на которых нанесены метки и цифры часов и минут. «Обычно мои Horological Machines пресса встречает в штыки,— говорит Бюссер.— Но с этой, удивительное дело, я слышу только комплименты. Она всем кажется очень красивой». И, надо признать, поделом.

__Hublot Spirit of Big Bang All Black

__Hublot Big Bang Sugar Skull Fluo

__Hublot Big Bang Unico Magic Sapphire

Hublot

В Hublot освоили сапфировое стекло для часовых корпусов. В прошлом году марка преодолела все сложности обработки этого капризного в производстве материала и научилась изготавливать свои часы в достаточном количестве. В этот раз полностью прозрачный корпус получили 500 часов Big Bang Unico Magic Sapphire. Он подает как на ладони мануфактурный механизм Unico HUB124. Чтобы показать его работу во всех подробностях, дизайнеры максимально раскрыли лицевую (с черным скелетонизированным циферблатом) и оборотную стороны часов.

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Monblanc

Monblanc привез в Женеву удивительный хронограф TimeWalker Chronograph 1000 Limited Edition, способный измерять тысячную долю секунды, и крупные часы TimeWalker Chronograph Rally Timer Counter, которые можно носить на руке, в кармане или превратить в настольные часы. Это однокнопочный хронограф с механизмом Minerva в очень легком корпусе из титана. Среди более традиционных моделей — тонкие часы с турбийоном Montblanc 4810 ExoTourbillon Slim и Montblanc 1858 Chronograph Tachymeter Champagne, отличающийся модным бронзовым корпусом.

__Montblanc TimeWalker Date Automatic

__Montblanc TimeWalker Chronograph 1000 Limited Edition

ГОНКОНГСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДЕСАНТ ЛАНГ ЛАНГ ВЫБРАЛ HUBLOT СВОИМ ИНСТРУМЕНТОМ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Перед Новым годом в Гонконге высадилась целая музыкальная команда во главе со знаменитым китайским пианистом Ланг Лангом. В ее составе были и специалисты швейцарской часовой марки Hublot.

Дело не только в том, что Ланг Ланг давно дружит с главой Hublot Жан-Клодом Бивером. Он еще и принял участие в создании двух новых моделей — существующего в восьми экземплярах репетира Classic Fusion Tourbillon Repetition Minutes Cathedrale Carbon Lang Lang и лимитированной серии тонких Classic Fusion 45 mm Ceramic Ultra-Thin Lang Lang.

В честь своего друга Ланг Ланг дал концерт на террасе «Бельведера» на пике Виктории, называемом в городе The Peak и поднимающемся над всем ночным Гонконгом. А до этого вместе с главой Hublot на азиатском рынке Лоиком Бивером он представил часы, названные его именем. Прежде всего — минутный репетир с кафедральным боем. С такими часами марка уже побеждала в 2014 году на Grand Prix d'Horlogerie de Geneve. Модель Classic Fusion Tourbillon Repetition Minutes Cathedrale с механизмом HUB 8001 и с турбийоном, совершающим полный оборот за минуту, была признана лучшей среди репетиров. Ее корпус 45 мм тогда был сделан из титана либо, как вариант, из фирменного золота — King Gold.

Главное отличие новых часов — Classic Fusion Tourbillon Repetition Minutes Cathedrale Carbon Lang Lang — корпус из углепластика, сверхлегкого, почти невесомого. Проблема всех репетиров — это звук. Они не могут, конечно, соревноваться с трелью мобильного телефона, но обязаны иметь ясный и звучный голос. Для этого необходимы не только молоточки и гонги-струны, по которым они бьют. Часовые инженеры старательно подбирают к ним материалы корпуса. Считается, что идеальна для репетира звонкая сталь, а вот, к примеру, платина звучит хуже. Инженеры Hublot смогли добиться резонанса в легчайшем корпусе, как будто бы сделанном из скрипичной фанеры. Задача была проста: дать пианисту возможность не снимать свои часы за роялем.

ПРЕДОСТАВЛЕНО HUBLOT

я люблю настоящие механические часы. когда вокруг тихо, я слышу, как работает их механизм. чувствую, сколько минут в часе, сколько секунд в минуте, и понимаю, насколько важно время

Ланг Ланг родился в провинциальном Китае в 1982 году. В Пекинскую консерваторию пробиться ему было трудно — взяли не с первого раза. Он учился с желанием доказать, что имеет на это право, и в 13 лет сыграл с Национальным симфоническим оркестром страны. Потом уехал совершенствоваться в США и теперь концертирует по всему миру. И с тем большим успехом, что открыт и не чванен. Его улыбка — такая же отличительная черта, как и его музыка. Он как будто бы просит прощения за то, что так востребован и так любим.

Китайского виртуоза бранят «популяризатором». Он — генерал китайской музыкальной армии, состоящей из безукоризненных, как компьютер, исполнителей. За это их не любят и фыркают через губу, объясняя, что все это делается на потребу публике. Как будто бы лучший способ игры — это выступать в одиночестве.

Своей популярностью он не прочь воспользоваться. Для чего? Для того чтобы открыть классическую музыку новым поколениям. Он совсем не принадлежит к музыкантам, которые готовы умереть вместе с ней, лишь бы не пойти на поводу у публики. Молодой пианист (Ланг Лангу нет и сорока) всячески показывает, что классика не страшна, не закрыта для профанов. Он смягчает свои уроки раскованным, иногда даже слишком, поведением за роялем. Ради этого он готов сыграть перед публикой на iPad или исполнить Шопена с апельсином в руках. Клоунские трюки должны удивить и привлечь внимание — не к нему, к музыке, которой он хочет служить.

— Над своими новыми часами Ланг Ланг работал вместе с Жан-Клодом Бивером

О своем репетире — Classic Fusion Tourbillon Repetition Minutes Cathedrale Carbon Lang Lang — он готов говорить, как о новом музыкальном инструменте. Таких моделей обещано всего восемь, что, разумеется, не случайно, поскольку восьмерка, европейцам напоминающая только о бесконечности, в Китае — символ богатства и процветания. Серия ультратонких часов Classic Fusion 45 mm Ceramic Ultra-Thin Lang Lang выпущена в большем количестве — в 88 экземплярах. Тем, кто сочтет это очередной уступкой азиатской культуре, Ланг Ланг готов напомнить, что это количество клавиш рояля. Classic Fusion Ceramic Ultra-Thin Lang Lang имеют тот же диаметр 45 мм и толщину 8,15 мм. Цифра 12 здесь обозначена сдвоенным фа, напоминающим монограмму Ланг Ланга LL. Россыпь нот выгравирована и на мостах механизма, который можно видеть с оборотной стороны под стеклом. Ну а на ремешок нанесены пять линеек нотного стана, на нем, возможно, однажды появится любимая мелодия Ланг Ланга.

Обычно репетиры — часы-интроверты. Они притворяются скромнейшими трехстрелочниками, и выдает их только ползунок, запускающий бой. В этом часовые пуристы видят большое преимущество репетиров перед, скажем, турбийонами, которые выставляют напоказ свое богатство. Мастера Hublot сделали нечто прямо противоположное устоявшимся вкусам. Репетир Ланг Ланга открыт, как крышка рояля. Все, что происходит в нем, предъявлено как на ладони в витрине сапфирового стекла. Цветовая гамма — сталь механизма и черный с золотом декор — напоминает, по словам самого пианиста, цвета его концертного инструмента.

Три главных отметки круга циферблата — «12», «9» и «3» — заменены музыкальными знаками. Отметка «6» занята турбийоном. На 12 часах — нота фа, на 3 часах — соль, на 9 часах — скрипичный ключ. Ноты вместо цифр, может быть, слишком очевидное дизайнерское решение, но оно вполне соответствует образу самого Ланг Ланга, нестареющего юноши, с таким азартом нажимающего на свои музыкальные педали. Удивительно, насколько точным вышел его часовой портрет.

— Молоточки с именем пианиста бьют по струнам гонгов

— Hublot Classic Fusion Ceramic Ultra-Thin Lang Lang

— Hublot Classic Fusion Tourbillon Cathedral Minute Repeater Carbon Lang Lang с корпусом из углепластика

в hublot я влюбился с первого взгляда ланг ланг про свои часы

Перед концертом в Гонконге Ланг Ланг рассказал о том, что значит время для пианиста и как вместе с Жан-Клодом Бивером он работал над часами, которые у него на руке.

— Насколько важно для вас время? Понятно, что музыка без него невозможна, а повседневная жизнь? Связано ли для вас время с часами? Или время — внутри вас?

— Время для меня — самое драгоценное, что есть на свете. Оно кажется мне чем-то особенным, чем-то, что не купишь. При этом его иногда не замечаешь. Вроде бы почти ничем не занимался, а потом, смотришь, и день прошел.

Часы я ношу с детства. И конечно, мои первые часы были пластиковыми, почти игрушечными. Но время они показывали самое настоящее. Занимаясь, я смотрел на них почти постоянно. А потом увлеклся, снимал часы, клал рядом и уже не обращал на них внимания. Когда играешь, времени обычно просто не чувствуешь. Оно как бы исчезает, превращается во что-то еще. Я запросто могу не заметить, как пролетело пять часов.

— Но ведь и в самих часах тоже есть музыка?

— Конечно. Может быть, поэтому я люблю настоящие механические часы. Когда вокруг тихо, я слышу, как работает их механизм. Чувствую, сколько минут в часе, сколько секунд в минуте, и понимаю, насколько важно время.

— А когда у вас появились часы Hublot?

— В Hublot я влюбился с первого взгляда! Мои первые часы — марки Big Bang — я купил в бутике в Женеве. И до сих пор думаю, что Hublot — самые восхитительные и самые крутые часы на свете! Конечно, это заслуга Жан-Клода Бивера, человека фантастически талантливого. Для него просто не существует никаких препятствий. Он всегда пытается совершить подвиг. Счастливы марки, которыми он занимается.

— И над созданием новых часов, которые сейчас у вас на руке, вы работали вместе с ним? Как вам нравится их название — Classic Fusion Tourbillon Cathedral Minute Repeater Carbon Lang Lang?

— Создание часов Hublot было совершенно восхитительным моментом моей жизни. Работать с Бивером — настоящее чудо. Он мне сразу сказал: «Ланг Ланг, тебе нужно использовать особенные материалы, тебе нужны черный и немного золотого цвета, как на рояле». Он задал мне мелодию, а я добавил в нее что-то свое. Я выбрал эмблему — две L, стилизованные под ноты. Я добавил скрипичный и басовый ключи. Я выбрал два молоточка с моим именем. Даже на ремешке есть отсыл к нотам — это пять линий нотного стана. В общем,

я занимался деталями. А потом мы выбрали углепластик в качестве материала для корпуса — такой легкий и такой плотный.

— Можно ли сказать, что эти часы — ваш новый музыкальный инструмент?

— Конечно! Послушайте, как они вызывают время. Они всегда со мной и всегда говорят мне, сколько времени у меня есть на то или другое.

— А их легкость? Теперь вы можете не снимать их за роялем?

— На своих концертах пианисты редко появляются с часами. Потому что часы — это все-таки тяжесть на руке. Именно поэтому мы создали эту лимитированную модель. Почти невесомую. И я надеюсь, что смогу выступать в этих часах. Они, ко всему прочему, произведение искусства.

— Китайского современного искусства?

— Меня часто спрашивают про китайское современное искусство. Я обычно отвечаю, что мы делаем большие успехи. В первую очередь в живописи и других видах визуального искусства. Но нам, как и всему миру, не хватает хороших композиторов. Совсем недавно жили Шостакович и Прокофьев. А сколько композиторов было в XIX веке, сколько в XVIII! Надеюсь, что и в XXI веке такие появятся. Я говорю не только о Китае, но и обо всем мире.

— Вы чувствуете себя послом китайской культуры в нынешнем глобальном мире?

— Китайская цивилизация, китайская культура — не единственная на свете. Я даже не думаю, что быть китайцем — это что-то особенное, не лучше и не хуже, чем быть, например, американцем, или европейцем, или русским. Конечно, мы все очень гордимся своим происхождением, своим наследием, но в то же время мы должны делать что-то хорошее для всего мира. Мы не можем думать только о прошлом. Мир становится ближе, он становится одним целым, и если мы продолжим заботиться только о своих странах и культурах, мы ничего не достигнем.

Беседовали Николай Zubov, Алексей Тарханов

ЕСЛИ БЫ Я МОГ, Я РАСКОЛОЛ БЫ ЗЕМЛЮ АЛВАРО МАДЖИНИ, ROGER DUBUIS

Roger Dubuis
Excalibur Quatuor
Cobalt MicroMelt

Roger Dubuis
Excalibur Spider
Carbon

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Креативный директор Roger Dubuis Алваро Маджини учился на художника, занимался модой и рекламой. Свои умения он полностью использовал в работе на часовую марку, созданную Роже Дюбуи и Карлосом Диасом в 1995 году, купленную Richemont в 2008-м и сейчас руководимую Жан-Марком Понтруэ. Благодаря Маджини стенды Roger Dubuis на SIHH получают яркий, даже агрессивный дизайн. То же самое — часы, которые становятся все более узнаваемыми.

— Стенд Roger Dubuis в этом году похож на инсталляцию в музее современного искусства — зеркала и неон, как у Дэна Флавина или Брюса Наумана.

— Неон широко используют в искусстве, особенно начиная с 1970-х. Но это не просто искусство. Это наш манифест. Я хотел сделать инсталляцию, говорящую, во-первых, о вечности, а во-вторых, о прозрачности. Наши часы прозрачны, они бездонны, они как черная дыра, где скапливается энергия.

— О да, ваш дизайн для Roger Dubuis всегда драматичен. Не слишком ли театрально ваше искусство на тихой часовой ярмарке?

— Театрально? Драматично? Но я ведь и сам таков! Тема этого года — сочетание необычных материалов. Мы хотели объединить редко встречавшиеся миры. Например, мир углепластика и мир золота — завтрашний день и благородный вчерашний. Титан и золото — космический минималистический материал и символ роскоши. Или, например, кобальт и золото. Но чтобы что-то соединить, я должен что-то разорвать. Мне нужен разлом, землетрясение, извержение. Если бы я мог, я и вправду расколол бы землю, но я создал оптическую иллюзию с помощью зеркал.

— Соединением непривычных материалов занимаются сейчас многие.

— Но не так смело, как мы! Например, в часах, которые мы сделали с Pirelli, есть резина, каучук. Представьте себе часы с элементами автомобильных шин!

— В прошлом вы выпускали модели вместе с обувщиками Massaro. А теперь, значит, шины?

— Надо быть смелым и неожиданным, иначе о вас никто не услышит. Я не хочу робости и осторожности. Меня учили быть прежде всего художником.

— Художником или дизайнером?

— И то и другое, я учился в школах Beaux Arts в моем родном кантоне Тичино, а потом в Базеле. Я специализировался на художественной фотографии и типографике.

— Швейцарская типографическая школа очень известна, даже знаменита.

— Она была знаменитой. Ее испортил компьютер. Сегодня каждый может создать, что хочет, и объявить себя дизайнером. Я работал с типографскими кассами, с пленкой, это была настоящая художественная работа. Так же губителен компьютер в часах, они стали бездушным продуктом электронных мозгов, в то время как раньше их делали руками. Для меня часовой дизайн очень похож на типографику — у вас есть пространство, и вы его заполняете. Правила хорошего тона говорят, что есть циферблат, под которым все спрятано. Это радует взгляд часовщика, но мы-то работаем не для часовщиков, а для наших клиентов, людей творческих.

— Но вы же при этом не ссоритесь и с часовщиками.

— Нет, мы работаем с ними в полном согласии, потому что предлагаем им заниматься тем, что им интересно, тем, что никто не предлагал им придумать раньше. Что, например, надо сделать в маленьких часах, чтобы показать эффект бесконечности, но при этом остаться минималистами?

— Вы считаете, что история такой молодой марки, как ваша, учит именно этому?

— Вспомните о том, как развивался образ марки. Пламенный Карлос Диас придумал наш Excalibur еще в 2005 году. Это же знамя марки. А потом мы едва не погрязли в технике. Вспомните Chanel, которая была прекрасна до войны и вновь расцвела только вместе с Карлом Лагерфельдом. Разумеется, я никого ни с кем не сравниваю, не улыбайтесь. Просто сейчас мы видим гораздо объемнее, да и люди вокруг не смотрят на нас с таким непониманием, с каким смотрели на Диаса. Люди многое узнали и многому научились.

— Для вас в Roger Dubuis важнее корни художественные или корни инженерные?

— Инженерия, часовое дело для нас абсолютно необходимое условие. Можно подумать, что нас заносит в художественность, но наши механизмы — выдающегося инженерного качества. Если они еще и красивы, разве это в ущерб часовому делу? Люди не выбирают часы по качеству турбийона, 95% интересуются внешним видом. И это уже моя задача — создать такой дизайн, который показал бы чудеса нашей механики.

Беседовал Алексей Тарханов

правила хорошего тона говорят, что есть циферблат, под которым все спрятано. Это радует взгляд часовщика, но мы-то работаем не для часовщиков, а для наших клиентов, людей творческих

GRANDE SONNERIE — СОБЫТИЕ ДЛЯ КАЖДОЙ МАНУФАКТУРЫ ФРЕДЕРИК РЮФЕНАШ, GREUBEL FORSEY

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Созданная в 2004 году компания Greubel Forsey сегодня стала одним из самых известных производителей сложных и необычных часов. Однако раньше мы знали лишь отцов-основателей мануфактуры — француза Робера Гребеля и британца Стивена Форси. Теперь они решили познакомить публику с молодыми инженерами, которые делают с ними все сложности новых проектов. Один из главных часовщиков мануфактуры в Ле-Локле Фредерик Рюфенаш рассказал о новых часах с большим боем — Greubel Forsey Grande Sonnerie.

— Чем вы заняты на мануфактуре и почему мы раньше не встречались на SIHH?

— Моя должность называется «часовщик-хронометрист и прототипист». Это значит, что я занимаюсь сложными часами — впрочем, других у Greubel Forsey нет, — и довожу до ума прототипы новых моделей.

— Через ваши руки проходят все новые часы марки?

— Да, думаю, все. Но кроме часов Greubel Forsey есть еще механизмы CompliTime, части нашей компании, которая разрабатывает усложнения по заказам других марок. На нашей мануфактуре все работают вместе, все всё обсуждают, мы не делимся на тех, кто отдает приказы, и тех, кто их выполняет. Тридцать человек с дипломами часовщиков. Я, кстати, тоже профессиональный часовщик и реставратор, учился в Ла-Шо-де-Фоне и в Ле-Локле. Так вот, я любил всех критиковать и мне сказали: «Раз ты такой умный, делай сам». Я и делаю.

— В линейке Greubel Forsey были практически все главные усложнения: турбийоны, причем не простые, а фирменные, наклоненные, вечные календари, модули мирового времени, но не было еще репетира — Grande Sonnerie. И вот наконец он появился.

— Да, мы его наконец-то создали. Потребовалось немало времени. Работа над ним началась целых 11 лет назад. Именно тогда Робер и Стивен начали обсуждать эти часы и делать наброски, пытаться прежде всего понять, чем их репетира будет отличаться от всех, что уже есть на рынке.

— Речь идет о важном этапе в жизни Greubel Forsey.

— Когда-то, чтобы получить признание и войти в число профессионалов, мастер должен был сам сконструировать и представить на суд коллег свои первые часы. Очень похоже происходит и с часовыми марками. Репетир Grande Sonnerie — событие для каждой мануфактуры. Первый турбийон очень важен, первый репетира — еще важнее, потому что речь идет о сверх-сложных часах.

— Но Grande Sonnerie на SIHH есть и у других марок. Например, у Vacheron Constantin.

— Конечно, но, во-первых, посмотрите на размеры двух марок. Они несравнимы. А во-вторых, одна конструкция не повторяет другую, у всех свои секреты. Мы не стали повторять никакие уже имеющиеся Grande Sonnerie, все продумывалось заново, от А до Я. Другого выхода у нас не было: если бы мы обратились к уже имеющимся механизмам, мы не смогли бы сделать все, что хотели.

— А что вы хотели?

— Мы хотели водонепроницаемые часы, которые удобно носить на руке, с которыми легко обращаться. Уже немало. И к тому же мы хотели часы с хорошим звуком. Как и обычно, в Grande Sonnerie у вас есть возможность выбора между большим боем, малым боем и режимом молчания. В нем, понятно, часы немые, Grande Sonnerie, разумеется, отбивает вам часы и четверти «на проходе», а Petite Sonnerie — часы. Один из барабанов с пружинами предназначен для репетира, у него есть запас хода на 20 часов, два других барабана обеспечивают полные 72 часа хода. Часы имеют ручной подзавод, а механизм репетира — узел автоматического подзавода. Это значит, что в течение дня на руке репетира будет подзаводиться, а ночь он проведет на 20-часовом запасе хода.

— Репетир — скорее наслаждение для слуха, чем для взгляда.

— Так считается. Но мы открыли на циферблате молоточки, которые будут бить по кафедральным гонгам, а со стороны задней крышки — весь механизм репетира. Обычно он скрыт под циферблатом, а мы решили доставить владельцу дополнительное удовольствие. Мы также исключили так называемые немые четверти — то есть время, которое репетира проводит, перед тем как перейти к минутам, если четверть бить еще рано.

— А зачем вы добавили к механизму еще и ваш фирменный наклонный турбийон?

— Потому что, хорошо поработав над Grande Sonnerie, мы уменьшили узлы репетира в размерах и расчистили место для турбийона, скомбинировав таким образом два усложнения, которые не так-то часто оказываются в одних часах.

— Но это добавляет сложности. Grande Sonnerie — и без того очень требовательные к владельцу часы.

— В наших часах продумана защита, которая не позволит клиенту сломать репетира при подзаводе. Не то чтобы мы держим клиентов за варваров, которые так и мечтают что-нибудь сломать, но у меня большой опыт, и я сталкивался с весьма печальными ситуациями, в которые попадали покупатели дорогих часов. Им казалось, раз они заплатили деньги, часы должны заводиться сами. Или можно, например, попытаться переставить стрелки в тот момент, когда начинает работать механизм репетира — в общем, существует немало способов замучить часы. Мы устранили эти проблемы. Вы можете не бояться за ваши часы и наслаждаться их работой. Это наш принцип — часы могут быть невероятно сложными, но пользоваться ими должно быть просто.

Беседовал Алексей Тарханов

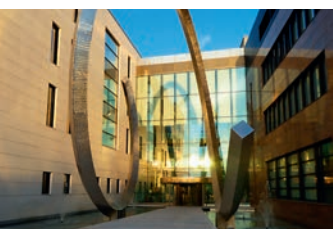

Greubel Forsey
Grande Sonnerie

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА РЕСТАВРАЦИОННЫЕ МАСТЕРСКИЕ PATEK PHILIPPE АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Франк Перне работает в реставрационной мастерской Patek Philippe, которая расположена в здании мануфактуры в План-лез-Уат

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Patek Philippe пал жертвой своей популярности. Старинная марка объявила, что готова починить и поставить на ход любые часы, выпущенные под ее именем. Все модели, вышедшие с 1839 года и подписанные отцами-основателями Патеком, Филиппом или даже Чапекком, можно отдать реставрировать на мануфактуру в План-лез-Уат под Женевой.

Руководители марки всегда были идеалистами. Я так и вижу, как они решают, что не все ли равно, когда выпущен их механизм, пять или сто пять лет назад, качество общеизвестно, они все равно смогут его починить. Мастера Patek Philippe справятся. И только потом стало понятно, что справиться не так легко.

Как известно, часы Patek Philippe держат первенство на всех часовых аукционах. Это недешевающая золотая валюта. Под градом известий о рекордных продажах многочисленных владельцев часов, принадлежавших их отцам, дедам и прадедам, решили на деле проверить рекламный слоган «Вы никогда не владеете часами Patek Philippe на самом деле — вы просто сохраняете их для будущих поколений». Поколения устремились в План-лез-Уат. Заказов стало так много, что мастерскую пришлось разделить на две части: одна занимается историей (часами, выпущенными с 1839 года по 1970-е), другая — более поздними моделями.

Сейчас реставрационная мастерская похожа на мануфактуру в мануфактуре. Это музей и заповедник часового искусства. В современных шкафах-картотеках здесь лежат картонные коробки с деталями, выпускавшимися до мировой войны, до Парижской коммуны и до написания «Капитала» Маркса.

Мануфактура в мануфактуре тоже как будто разделена на цеха: мастера специализируются на осях, другие — на зубчатых колесах, мостах, пружинах, платинах.

Франк Перне, один из ветеранов мастерской, показывает мне фотографии, достойные фильма ужасов. Это часы, которые им приносят. «Может, это вас удивит, — говорит Перне, — но наш главный противник — не время, а глу-

пость других мастеров, которые пытались отремонтировать часы. Они сворачивают винты, гнут мосты, чего они только не делают».

Вот часы Patek Philippe, которые открывали ножом, как консервную банку. Вот мост якоря, который заменили другим, привинтив его прямо к платине. Вот бумажный шарик, который поддерживает рычаг. А это что? Это следы клея, которым прикрепили прямо к механизму отвалившийся циферблат. Вот хронограф 1950 года, в который проникла вода. Все съедено ржавчиной, можно сохранить в лучшем случае платину, корпус, циферблат. Как будто бы хронограф нашли на острове погибших кораблей.

Все это выглядит устрашающим, как плохо отремонтированная челюсть на рентгене.

— Кто-то получает часы в наследство, — говорит Перне. — Не здесь, в Женеве, где люди знают, что делать, а на другом конце света, в США или в Австралии. Что они делают? Идут к знакомым часовщикам. Никто из них не задумается о том, что когда у тебя есть Ferrari или Rolls-Royce, ты не погонишь его чинить к

жестянщику на углу. С часами так иногда поступают. Но починить их правильно можно только у нас.

— А если у вас нет запасных частей?

— Обычно они у нас есть, а если их нет, мы их можем сделать.

— По чертежам старых моделей?

— Если чертежей нет, то мы отдаем часы нашим инженерам, которые все обмерят и начертят их заново. Так у нас, кстати, собирается документация по всем выпущенным моделям.

Я спрашиваю, в чем разница между новыми и старыми часами. Перне говорит, что прежние часовщики не могли выдерживать стандарт, никто не делал огромных серий, а когда выпускаешь два или три экземпляра, размеры могут немного меняться от одного к другому.

Учесть это очень трудно. К примеру, в старых часах рубины, на которые опираются оси, закреплялись как ювелирные камни, и их невозможно немного сдвинуть, как в новых часах.

— Вот поэтому мы работаем руками, иначе можно было бы все делать на машинах. Зато опыт — уникальный. Когда я пришел сюда 23 года назад, я застал два поколения гениальных часовщиков. Они передали мне старинные навыки, которые я теперь передаю ученикам. Так это и происходит в Patek Philippe.

Починка старых часов требует по меньшей мере нескольких дней работы. Бывает, что и нескольких лет. Стоимость трудно себе представить, но, как правило, на аукционе за готовые часы с аутентичными деталями можно выручить еще больше. Остаются ли отремонтированные часы историческим памятником? Отчасти, как оставались им поновленные иконы. Но разумеется, никакой Венецианской хартии, требующей четкого разделения между историческими и отреставрированными частями, здесь не соблюдают, да это и невозможно. Когда я говорю об этом Франку, он вспоминает случай, когда реставраторы опустили руки.

— Нам привезли часы, найденные в развалинах Всемирного торгового центра. Они сплывились в один блок, мы ничего не смогли сделать. Владелец настаивал: «Если мы смогли построить заново Всемирный торговый центр, вы сможете построить заново мои часы». Он дошел до главы марки, тогда им был еще Филипп Стерн, отец нынешнего, Тьерри, и тот сказал: «Простите, но мы не сможем этого сделать: это будет копия, а мы не делаем копий».

— Многие экспонаты музея Patek Philippe в Женеве прошли через руки реставраторов

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

МЫ — БАЗЕЛЬСКИЕ, ХОТЬ И РИМСКИЕ ФАБРИЦИО БУОНАМАССА, BVLGARI

Креативный директор часового направления Bvlgari Фабрицио Буонамасса Стильяни проектирует часы с таким же азартом, с каким строил автомобили в конструкторском бюро Fiat в Турине. В римскую ювелирную и часовую марку он пришел в 2001 году и успел поработать над главными ее линиями — в том числе знаменитыми Octo и Serpenti. Bvlgari не участвует в SIHH, но уже не первый год показывает свои новинки в дни Женевского салона.

— Вы зачастили в Женеву, но вы ведь не покинете Базель с вашим прекрасным павильоном, выстроенным в форме свернувшейся в кольцо змеи? Здесь у вас всего лишь съют в отеле, а там — собственный дом.

— Конечно, мы здесь в гостях. Мы — базельские, хоть и римские. Но Женева дает нам великолепную возможность показать в начале года одни новинки, а потом в Базеле — другие. В Женеву мы привезли Octo Roma, молодежный вариант нашей знаменитой линии Octo. У нас есть женские Lvcea с новыми функциями — в том числе Lvcea Moon Face. Ну а в классических Octo у нас появились новые циферблаты — полностью черный и черный с красными метками. Меньше внимания мы уделили коллекции Serpenti, но не потому, что мы разлюбили наших прекрасных змей. Их мы выпустим в Базеле.

— В своих Octo Finissimo вы добились рекордной тонкости, а в Octo Ultranero — рекордной элегантности. Есть ли новые достижения в этой линии?

— Конечно! Это Octo Finissimo Skeleton, последняя версия часов Octo Finissimo. Знаете, всегда очень сложно создать дизайн скелетона, потому что, если вы делаете часы слишком открытыми, слишком ажурными, они становятся очень хрупкими, а если вы делаете их недостаточно открытыми, то теряется смысл скелетона: владелец увидит только отдельные черты механизма. Кроме того, постоянная проблема — это дизайн обратной стороны скелетона. Там расположена платина, на которую опирается механизм, и ее важно сделать открытой. Этот «второй циферблат» никогда не должен быть банальным. И мне кажется, нам удалось сделать так, чтобы на наши часы было интересно смотреть как спереди, так и сзади.

— Вы говорите о «молодежности» Octo Roma. Значит, рассчитываете на новую аудиторию, которая еще не накопила денег на «большие» Octo?

— У Octo Roma немного другой дизайн. Корпус обрел точную форму восьмиугольника и при этом стал чуть более округлым по сравнению с обычным, более угловатым. Я бы не говорил об упрощении — скорее это еще один вариант стиля Bvlgari.

— Вы не говорите об упрощении, хорошо. Но почему вы меняете Octo? Вы недовольны реакцией ваших клиентов на эту линию?

— Дела на рынке у Octo идут очень хорошо, мы довольны этой линией. К примеру, коллекции Ultranero продаются быстрее, чем мы их выпускаем. Скорее мы пытаемся дать Octo новую опору, чтобы они выглядели немного иначе по сравнению с теми моделями, что у нас уже есть. Octo Roma — вариант все тех же пользующихся большим успехом часов. Они выйдут в разных материалах: золото, золото со сталью и сталь. К тому же у них есть красивый стальной браслет.

— Bvlgari Octo
Finissimo Tourbillon
Skeleton

— Значит, вы разделяете нынешнюю моду на стальные корпуса и браслеты?

— Мы видим большой спрос на модели из стали в этом году. Люди ищут стальные часы с браслетом, потому что такие часы можно надевать каждый день. Это очень удобно, гораздо удобнее, чем ремешок из кожи аллигатора, хотя он тоже, конечно, очень красив.

— Не является ли сталь ответом на трудности в часовом деле, которые испытывают сейчас многие марки?

— Едва ли. Мы ювелирная марка, и что-то я не видел, чтобы наши браслеты, кольца и колые стали делать из стали или пластмассы. Так почему это должно коснуться часов? Конечно, довольно трудно предсказать, какими будут тенденции в этом году, ведь год только начался. Одно я знаю точно — Bvlgari ждет множество интересных вещей, среди них, например, развитие Octo Finissimo и эволюция Serpenti.

— Как строятся ваши отношения с часовыми соседями по группе LVMH? После того как вы стали собирать собственные калибры, вам не приходится ими делиться?

— Нам предстоит многое менять и создавать. И наша марка пытается найти опору для развития во внутренних ресурсах, работая с нашими мануфактурами. Мы пытаемся делать все стратегически важные для нас детали самостоятельно. Единственный часовой механизм, который мы получили от партнеров, — это Zenith El Primero, его мы использовали для хронографов. Но это потому, что он и вправду выше всяких похвал. Другие часовые механизмы мы производим самостоятельно. Если появится возможность разработать что-то новое в партнерстве или получить от кого-то часовой механизм, это другой вопрос. Но сегодня у нас не так много вещей, которыми мы готовы делиться.

Беседовали Кирилл Сарханянц, Алексей Тарханов

ВЕЧНОСТЬ В СТЕКЛЕ

МАРК НЬЮСОН ОДЕЛ JAEGER-LECOULTRE

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Знаменитый австралийский дизайнер Марк Ньюсон представил свою новую работу — часы Atmos Jaeger-LeCoultre в стеклянном футляре Baccarat.

Atmos 568 by Marc Newson отличаются и формой, и функциями — это часы с календарем и фазами луны. Но это не просто механизм, помещенный в драгоценную витрину. Многие его детали тоже переработаны Ньюсоном, который изменил систему крепления (четыре винта вместо трех) и добавил глубокий синий цвет, контрастирующий с прозрачным, как будто наполненным водой корпусом.

«Меня всегда завораживали Atmos, — говорит дизайнер. — Для меня это объект технически сложный и волшебный одновременно. Atmos кажутся живыми, механизм будто бы чувствует ваше присутствие, и это неожиданно приятно. Это человеческие отношения с часами».

Jaeger-LeCoultre выпускают Atmos уже больше 80 лет. Это вечные часы, которые берут энергию буквально из воздуха. Atmos в электричестве не нуждается. Эти часы движутся газом — источник их энергии мембрана-гармошка, наполненная хлорэтиленом. Газ охлаждается — гармошка сжимается, газ нагревается — гармошка расправляется. Колебания передаются на барабан, в котором свернута движущая часы пружина. Разницы температуры всего в один градус хватает для того, чтобы продлить завод пружины на двое суток. Схема была придумана французом Жан-Леонаром Рейтером в 1928 году. Вместе со швейцарским часовщиком Давидом Лекультром он превратил этот механизм в главный узел часов, которые с 1936 года выпускаются серийно на мануфактуре Jaeger-LeCoultre. Почти все ходят до сих пор, как ни в чем не бывало, невзирая на мировую войну, экономические кризисы и глобальное потепление.

Для людей, привыкших к часовщикам, склонившимся над микроскопами, вид цеха, где собирают Atmos, странный. Для их сборки лупа не нужна. Лежащие на столе латунные оболочки мембран напоминают чуть ли не консервные банки. Правда, положат в них живой и дышащий газовый прибор. Размеры 309 деталей такие же, как в XVII веке, зубчатое колесо можно взвесить на руке. Jaeger-LeCoultre гордятся самым маленьким в мире часовым механизмом 101, механизм Atmos 568 — мануфактурный гигант. Маятник этих часов — тонкая нить, на которой вращается груз. Энергия тратится чрезвычайно экономно. Маятник совершает 2 колебания в час по сравнению с примерно 300 у обычных наручных часов, которые требуют в 250 раз больше энергии, чем Atmos. Подводят часы забытым дедовским способом — просто передвигая руками стрелки, как в прежних настенных и напольных часах, от которых, в сущности, они и произошли.

Марк Ньюсон работает с Jaeger-LeCoultre с 2008 года. Он выпускал и свои собственные часы под маркой Ikerod, но там дизайн командовал механикой. В случае со знаменитыми часовщиками из Сантьяго надо было подчиниться механизму. Он особенный. В школьном учебнике физики написано, что Парижская академия наук не принимает патентные заявки на вечный двигатель с 1775 года. Заявки, может, и не принимает, а эти часы — вечны.

Jaeger-LeCoultre
Atmos 568 by Marc
Newson

atmos — вечные часы, которые
берут энергию буквально из воздуха

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

даниэль риедо:

мы с марком хотели сделать новый atmos

Глава Jaeger-LeCoultre рассказал о работе с Марком Ньюсоном

— Почему вы снова обратились к Марку Ньюсону?

— Он наш давний союзник. Мы уже сделали с ним почти десять лет назад уникальные часы с календарем в футляре из стекла Vassarat. Это была прекрасная, но весьма и весьма дорогостоящая вещь. На сей раз мы с Марком хотели сделать новые Atmos, не лимитированные и более доступные

по цене. Мы пытались достичь 10–12 тыс. франков. Скажу вам сразу, не все получилось, но не по нашей вине. Марк создал великолепный дизайн, но не нашлось ни одного производителя стекла, который взялся бы изготовить корпус, настолько точной и ответственной была работа.

— И вы снова вернулись к Vassarat?

— Да, мы с Марком пытались найти выход. Мы потратили примерно три года, но так и не добились удовлетворительного результата от поставщи-

ков стекла. У Jaeger-LeCoultre был такой же опыт с часами для Hermes. И там мы тоже использовали хрусталь, сделанный, правда, на гермесовских фабриках Cristallerie Saint-Louis.

— Когда же появятся часы в стекле, а не в хрустале?

— Не раньше, чем вырастет новое поколение мастеров, которые снова смогут создавать не массовые, а уникальные объекты из стекла. Надеюсь, нам не придется ждать слишком долго.

марк ньюсон:
я встретился с иконой,
с культовым предметом и с великой маркой

Дизайнер Марк Ньюсон рассказал о работе с Jaeger-LeCoultre

— Вы делали мебель, реактивные самолеты, велосипеды, часы. Что из этого вам больше нравится?

— Когда меня просят выбрать какой-то один объект, дизайном которого мне больше всего нравится заниматься, я называю часы. Это действительно так. Свой первый проект часов я сделал в десять лет. Мой дядя подарил мне тогда первые в моей жизни наручные часы, и к ужасу родных я тут же их разломал, точнее, разобрал. Но не для того, чтобы посмотреть, что

у них внутри, а чтобы придумать им новый корпус. Позже у меня появился некоторый опыт — я создал собственную часовую компанию, правда, не очень успешную. Но это как раз доказывает, что часы для меня нечто особенное. Никаких других компаний — ни мебельных, ни самолетных — я не создавал.

— Почему вы выбрали Jaeger-LeCoultre? И почему они выбрали вас?

— Это началось десять лет назад. Я с детства знал Atmos и восхищался этими часами. Конечно, это в первую очередь часы, а значит, они про

время. Но это и вечный объект тоже! Он был и останется Atmos, что бы я ни сделал с ним. И надо сказать, что именно в этом я черпаю вдохновение. В том, что механизм этих часов был придуман в 1920-х годах прошлого века и до сих не устарел. Наоборот, он стал еще более уместным, нешумным, экологичным, не требующим энергии.

— Вы получили точный заказ или разрабатывали задание вместе с Jaeger-LeCoultre?

— Я встретился с иконой, с культовым предметом и с великой маркой. Работать с Jaeger-LeCoultre — значит

работать не просто с брендом, а с эпикальным объектом, который известен почти сто лет. И тебе надо привнести что-то свое, свои дизайнерские идеи таким образом, чтобы сохранить особенность этого объекта. Вот Atmos. Он был таким всегда. И тебе надо сделать так, чтобы человек с 50 метров мог его узнать. За десять лет сотрудничества это мои третьи часы Atmos. И первые, которые выйдут нелимитированной серией. Это, конечно, не означает, что таких часов будет много, ведь, в конце концов, Atmos — необычайно сложный объект.

— Его цена соответствует его сложности?

— Это предмет роскоши, конечно, но у меня есть свое представление о том, что такое роскошь, и оно не связано с материалами. Atmos, безусловно, дорогой объект. Не каждый сможет иметь его. Тем не менее я очень рад, что принимал участие в его создании. Сейчас очень много «вечных» объектов исчезают или превращаются во что-то другое. И то, что существуют и будут существовать такие, как Atmos, меня успокаивает и радует.

Беседовали Николай Зубов, Алексей Тарханов

ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ, ЧЕМ СТО РАЗ УСЛЫШАТЬ КРИСТИАН САЛЬМОНИ, VACHERON CONSTANTIN

Вот уже шесть лет Кристиан Сальмони отвечает за художественную сторону работы Vacheron Constantin. Но в самой старой из ныне существующих марок нельзя быть художественным директором, не зная тонкостей часового дела. Часовщик в четвертом поколении, член семьи, происходящей из самого часового района Швейцарии Вале-де-Жу, Кристиан Сальмони рассказал о самых сложных моделях этого года.

— В 2016-м на свое 260-летие Vacheron Constantin представил самые сложные часы на свете — модель 57260. Мыслимо ли ее превзойти?

— Пока немислимо. Эта модель объединяет 57 усложнений. Но вы же видите ее на нашей витрине. Это не просто карманные часы — это очень крупные карманные часы! В этом году мы решили поработать над тем, чтобы уместить не менее замечательные усложнения в корпус наручной модели. И вот посмотрите. Мы привезли на SIHH великолепный репетир с «большим боем», Grande Sonnerie, и астрономические часы невиданной сложности Celestia Astronomical.

— Неужели в Vacheron Constantin никогда не делали Grande Sonnerie?

— Делали, конечно, еще в 1827 году, но для карманных часов. Так что это первый наш опыт Grande Sonnerie для наручных часов. Вы знаете, что бывает Grande Sonnerie и Petite Sonnerie. Первые часы, в отличие от вторых, отбивают каждые 15 минут, повторяя при этом не только число четвертей, но и число часов. Это механизм с ручным под заводом, регулировка производится той же заводной головкой, но у нас разработана особая предохранительная система. Дело в том, что любые звуковые часы требуют очень деликатного обращения. Мы сделали все, чтобы даже самый неопытный владелец не причинил вред механизму. Зато у него есть возможность наблюдать за работой механизма боя. Молоточки и гонги, которые обычно прячут под циферблатом, мы открыли, чтобы наши клиенты видели, как работают их удивительные часы. Такой дополнительный бонус: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

— Чем еще, кроме размера, отличается Grande Sonnerie 2017 года от модели 1827 года?

— Многим. К примеру, у нас есть функция пропуска так называемых немых четвертей. Обычно в случае, когда нет еще ни одной полной четверти, часы все равно ждут, чтобы перейти от четверти к минутам. Мы сделали так, чтобы паузы не было и минуты следовали бы сразу за часами.

— Все взахлеб рассказывают про вашу астрономическую модель.

— Я вам ее с удовольствием покажу. Нам есть чем гордиться. У нее 23 усложнения, показывающие время на двух циферблатах. Нашей главной задачей было сделать так, чтобы часы могли отображать три времени сразу: солнечное, звездное и обычное, то, по которому мы живем.

— Расскажите, чем эти времена отличаются друг от друга.

— По обычному расписана наша жизнь, это наши сутки, состоящие из 24 часов, в течение которых солнце теоретически освещает все точки экватора. На самом деле светило движется по другой траектории и с другой скоростью и разница в длительности суток может достигать 14–16 минут в ту и в другую сторону. Видите золотую стрелку с солнцем? Она показывает солнечное время. К тому же Земля вращается не только относительно Солнца, но и относительно звезд. Тут тоже своя длительность суток, отличающаяся примерно на четыре минуты от обычной. Указатель звездного времени мы решили разместить на втором цифербла-

— Vacheron
Constantin Les
Cabinotiers Celestia
Astronomical Grand
Complication 3600

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

мы внимательно следили за тем, чтобы наши часы не превратились в путаницу стрелок и указателей. ясность чтения времени для нас очень важна

— Vacheron
Constantin Les
Cabinotiers Symphonica
Grande Sonnerie 1860

те — на задней стороне часов. Видите ли, мы внимательно следили за тем, чтобы наши часы не превратились в путаницу стрелок и указателей. Ясность чтения времени для нас очень важна.

— Вероятно, чтобы регулировать эти часы, нужно в дополнение к ним брать на работу астронома?

— Нет-нет. Мы позаботились о том, чтобы у вас всегда было время завести эти часы. В них шесть заводных барабанов, что обеспечивает фантастический запас хода — целых три недели.

— Для такой энергии вам, наверное, понадобился специальный модуль передачи, корректирующий силу пружины, так называемый Force Constant?

— Мы не столкнулись с этой проблемой. Мы хотели получить максимально большой запас хода и смогли это сделать благодаря интегрированным механизмам. Наши астрономические усложнения — это не наложенные друг на друга модули. Это части механизма, разработанного с нуля. Нашему мастеру понадобилось на это ни много ни мало пять лет. Представляете себе, сколько надо было ждать, пока часы, наконец, пойдут?

— Это единственный экземпляр?

— Пока да, как и Grande Sonnerie, но мы будем выпускать их по заказу.

— Сколько же они стоят? Миллион? Или больше?

— Мы не сообщаем цены на наши уникальные модели — наши клиенты сами решают, хотят ли они это знать и хотят ли они это платить.

Беседовал Алексей Тарханов

МАНИФЕСТ ДРАГОЦЕННОСТИ

МИНОДЬЕРЫ

VAN CLEEF & ARPELS

ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

— Van Cleef & Arpels.
Минодьер на выстав-
ке в Сингапуре

На стенде Van Cleef & Arpels в Женеве была устроена маленькая историческая выставка — десяток предметов, особое место среди которых занимали минодьеры. Мы только что видели их в России, где на прошедшей в музеях Кремля выставке «Элегантность и роскошь ар-деко» две великие марки — Cartier и Van Cleef & Arpels — представляли свои ювелирные изобретения, сделанные в удивительно богатый на стилистические находки период. Параллельно с большой экспозицией на цокольном этаже магазина Van Cleef & Arpels в Столешниковом переулке (он заслуженно считается одним из самых больших в Европе) показывали драгоценные минодьеры. Кроме самих «золотых коробочек» вниманию опытного зрителя предлагались афиши и даже поразительный рекламный листок, вырванный из модного журнала середины 1930-х годов чьей-то уверенной рукой. На этом листке было изображено внутреннее устройство минодьера, а также дана подробнейшая инструкция, как таким богатством правильно пользоваться.

Итак, минодьер (от французского слова *minaudier*, что значит «жеманный») — одно из главных изобретений 1930-х годов великопейной французской марки. Среди других изобретений того времени необходимо отметить «невидимую оправу», гибкие, но плотные браслеты системы Lido, а также культовую коллекцию *Passe-Partout*, имевшую успех уже на излете 1930-х годов — на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939-м. Богатейшее наследие и наработки 1930-х открывали дорогу к инновациям 1940-х. В первую очередь к сложным сетчатым кутюрным украшениям, к брошам-балеринам, а также к легендарным ювелирным часам *Cadenas*.

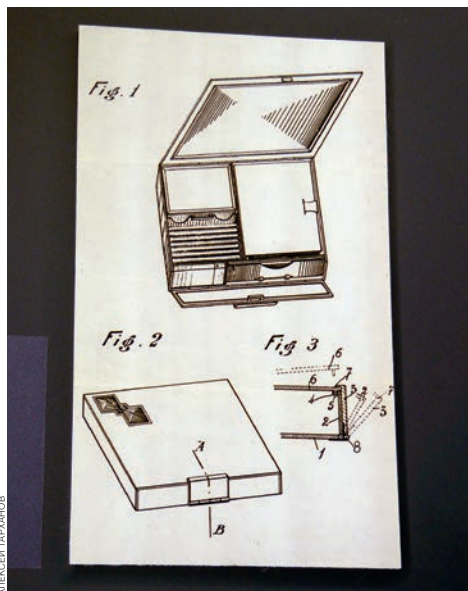
Но вернемся в 1933 год — год, когда впервые был представлен такой инновационный предмет, как минодьер. Не секрет, что, положим, драгоценные портсигары или ювелирные вечерние сумочки охотно выпускали для своих изысканных покупательниц многие ювелирные дома. Но однажды Шарль Арпельс обратил внимание на то, что одна из его верных клиенток супруга американского железнодорожного магната Флоренс Джей Гулд умудряется носить в большом портсигаре *Lucky Strike* не только сигареты, но еще и зажигалку, зеркальце, помаду, пудреницу, ключи и даже миниатюрную расческу! Он незамедлительно взял это на заметку и создал «большой портсигар», внутри которого были отделения для всех необходимых дамам предметов. Таким образом, наличие подоб-

ных отделений — это и есть обязательное отличие минодьера от обычного несессера или портсигара. Вещицу очень полюбила Эстель Арпельс, супруга Альфреда ван Клифа, которая считала своим гражданским и семейным долгом часто выходить в свет, популяризируя тем самым изделия мужа.

Каждый минодьер имел свое имя. Например, вошел в историю декоративно-прикладного искусства минодьер с брошью «Камелия» 1938 года. Он включал в себя зажигалку, помаду, записную книжку, пудреницу, две пары миниатюрных часов (одни были установлены прямо в корпус и выдвигались при помощи рычажка) и пудреницу. Застежка у «Камелии» была съемной и могла становиться большой брошью.

Минодьеры можно было разделить на два типа: одни — с фигуративными украшениями-барельефами на крышке (чаще всего на восточные мотивы, с различными экзотическими птицами), другие — абстрактные предметы, напоминавшие загадочные книги (они нередко украшались бриллиантами или небольшими часами). В Van Cleef & Arpels, чьи вечерние сумочки из шелка с египетскими мотивами были столь любимы модницами в 1920-х годах, умело сочетали золото минодьера с бархатной или атласной обшивкой — такие исполняли роль чехла для переносной драгоценности. Основными заказчицами этих вещей были богатые и практичные американки, а также супруги индийских махараджей или королей Египта. Изготавливали минодьеры и, например, для элегантных нужд британского ювелирного дома *Asprey*. Но внутреннее устройство минодьера, кому бы он ни принадлежал, всегда оставалось неизменным. В 1940-е годы минодьер перестал быть остромодной вещью, однако в своих коллекциях *high jewellery* дом Van Cleef & Arpels иногда вспоминает своего «старого верного солдата»: к примеру, великолепный черно-белый минодьер был включен в коллекцию *Une Journee a Paris* 2006 года.

— Van Cleef & Arpels.
Чертеж минодьера,
1930-е годы

НАСТАЛО ВРЕМЯ

L.U. CEUM

В ШВЕЙЦАРСКОМ ФЛЕРЬЕ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

«Время — это то, что мы с ним делаем», — говорит Карл-Фридрих Шойфеле.

Глава часового направления Chopard, сопresident марки — страстный коллекционер. Мы уже рассказывали про его коллекцию старинных автомобилей, которые он использует для исторических гонок в Монако и Брешии. Его коллекционные вина можно отведать на стенде марки во время приемов, которые он устраивает во время Baselworld. А на его вилле в швейцарском Флере находится небольшая, но отменная коллекция произведений искусства на тему времени, в том числе заглавная работа Бена Вотье «Il est temps» («Настало время»).

Двадцать лет назад Карл-Фридрих Шойфеле создал предприятие, где выпускаются главные часовые новинки женеvской марки: модели линии L.U.C., имеющие мануфактурные механизмы. За два десятилетия в этой линии выпущено 11 базовых механизмов и 87 их вариантов. Сейчас Chopard, раньше ассоциировавшаяся с ювелирным делом, считают серьезным и важным участником негласного союза независимых, не принадлежащих большим группам, пожирателям марок.

Больше десяти лет назад настал момент, когда Карл-Фридрих Шойфеле решил создать на Chopard Manufacture собственный часовой музей, названный L.U. Ceum. Откуда название, понятно: L.U.C. — инициалы легендарного создателя марки Луи-Улисса Шопара, дело которого Шойфеле, ко всеобщему удовольствию, продолжает, а «luseum» — «образование».

Музей был открыт в 2006 году, когда мануфактура Chopard отмечала свое десятилетие. С тех пор коллекция постоянно пополняется. Диапазон огромен — от античных водяных часов-клепсидр до золотого медвежонка, первенца Harry Diamonds работы Каролины Шойфеле, сестры Карла-Фридриха и сопresidenta марки.

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Edouard & Leo Juvet. Часы 1860-х годов, сделанные во Флере, с белой и цветной эмалью

«время — это то, что мы с ним делаем», — говорит глава chopard карл-фридрих шойфеле

— Одно из первых ювелирных украшений с Happy Diamonds

— Jean Tixier. Золотые карманные часы. Флерье, около 1840 года

— Alfred Chapuis. Китайские часы. Невшаталь, 1919 год

Музей расположен под самой крышей старого здания мануфактуры. Этот наполненный временем чердак хранит удивительные предметы, служившие людям на протяжении пяти веков.

«Меня волнует философский смысл времени, — говорит Карл-Фридрих Шойфеле. — Вот почему я хотел создать пространство, которое приглашает людей о нем задуматься. И потратить на его осмотр свое время, как потратил его я на свою коллекцию».

Конечно, этот музей не принадлежит к открытым. Сюда можно попасть только по приглашению Chopard. Но по своему богатству он может посоревноваться с государственными собраниями. Самое главное для создателей коллекции — вернуть часам имена. Имена авторов — всех, какие только можно было узнать.

Часовое мастерство никогда не было анонимным. Это сейчас имена часовщиков и мастеров скрыты за вывесками больших международных компаний. Раньше каждые часы создавались как шедевр, единственный в своем роде или в микроскопических сериях в два-три предмета. Музей Шойфеле — дань уважения людям, которые сделали Швейцарию часовой метрополией. Без них и без уважения к ним часовая промышленность погибла бы, как это произошло во многих других странах.

Здесь можно найти самые удивительные экземпляры, сложные астрономические часы, морские хронометры, искусные эмали, часы с усложнениями. За каждым экспонатом — целая история. Вроде лежащих в одном футляре парных часов. Это было удобно для клиентов, находившихся на краю Земли, недаром парные часы часто называли «китайскими» — пока один экземпляр ждал починки или смазки, хозяин мог пользоваться другим.

Лусеум в имени музея напоминает о том, что он стал местом изучения разнообразных часовых усложнений, почерков, приемов разных мастеров. Именно в год открытия L.U. Ceum Шойфеле добавил к своей коллекции не только часы, но и имя уроженца Валь-де-Траве, любимца короля Фран-

— Настольные часы. Германия, около 1560 года

ции — Фердинанда Берту, чтобы возродить его имя в новой марке Ferdinand Berthoud.

«Я знал о часах и научных работах этого выдающегося мастера, — говорит Шойфеле. — Когда я услышал, что его имя продается, я немедленно его купил. Это был эмоциональный поступок. Тогда я совсем не думал, как я буду развивать новую марку».

Страсть коллекционера не подвела Шойфеле. Два года назад он представил первые часы под маркой Ferdinand Berthoud и тут же получил признание. Модель Chronometre Ferdinand Berthoud FB1 взяла на Grand Prix d'Horlogerie de Geneve главную награду — «Золотую стрелку».

«Мы сделали то, что мог бы сделать Фердинанд Берту, окажись он в нашем времени, — объясняет Шойфеле. — У нас не было задачи выпускать ностальгические часы в духе XVIII века, мы хотели сделать по-настоящему современные вещи, которые были бы достойны того имени, которое они носят».

Жюри оценило работу часовщиков, дизайн Ги Бова и храбрость владельца. Разумеется, это не последняя модель новой-старой марки, которая окажется в собрании L.U. Ceum.

— PIG. Золотые карманные часы с художественной эмалью на корпусе, около 1800 года

— Масляная лампа-часы XIX века. Масло из стеклянного сосуда поступало в резервуар, где горел фитиль. Длительность «завода» могла составлять 12–14 часов

PIAGET УЧИТ ТОНКОСТЯМ

ALTIPLANO 60 ЛЕТ

ТИМУР БАРАЕВ

— Piaget Altiplano 60th Anniversary Collection

— Piaget Altiplano 60th Anniversary Collection

— Piaget Altiplano 900P Altiplano

В этом году Piaget, как и многие другие марки, решила сосредоточить усилия на одной самой востребованной часовой коллекции. И это, конечно же, Altiplano. Благо повод представился более чем уважительный — 60-летие со дня выхода первых ультратонких часов.

Когда на выставке в Базеле в 1957 году Валентин Пьяже представил свой ультратонкий механический калибр 9P с ручным заводом, публика и эксперты испытали настоящий шок. Калибр 9P толщиной всего 2 мм вызывал восхищение элегантным профилем, выдающимися эксплуатационными характеристиками (частота баланса 19 800 пк/ч, запас хода 36 ч) и неожиданно высокой надежностью. С него началась новая эпоха механических ультратонких часов. Три года спустя Piaget показала ультратонкий калибр 12P с автоматическим подзаводом толщиной всего 2,3 мм. Главный секрет его стройности заключался в роторе из золота 24 карата, который был врезан в платину механизма. Мануфактура приняла решение использовать калибр 12P для мужских моделей, а калибр 9P — как для мужских, так и для женских.

Став экспертом в области ультратонких часов, Piaget смело и уверенно утвердила свой уникальный стиль на международной арене. И только в одной модели калибры 12P и 9P однажды встретились. В Piaget Altiplano Double Jeu — самых оригинальных часах с функцией индикатора времени во втором часовом поясе. Корпус этих часов состоит

мы поставили на тонкость
и не проиграли.
мы очень благодарны altiplano

— Piaget Altiplano 60th Anniversary Collection
Piaget Altiplano
Tourbillon

филипп леопольд-метцгер: altiplano — это квинтэссенция piaget

Глава Piaget Филипп Леопольд-Метцгер рассказал о юбилее Altiplano

— Какое место Altiplano занимает среди других коллекций Piaget?

— Это самая главная наша модель. Она помогает нам в течение 60 лет держать первенство и ставить рекорд за рекордом. Altiplano — это квинтэссенция Piaget.

— Но вы же не стремились к рекордам ради рекордов?

— Конечно, нет, хотя быть чемпионом приятно. В жизни Piaget много лет назад был момент, когда надо было сделать выбор. Нам нужен был базовый механизм. Но какой? Мы выбрали направление, о котором в то время никто не думал всерьез. Сверхтонкие часы. Это была прекрасная идея, хотя тогда никто не предполагал, что тонкие модели войдут в моду.

— Сейчас тонкость считается одним из усложнений — и не самым распространенным. Зато очень востребованным.

— Это так, но не забывайте, что тонкий базовый механизм дает большое преимущество. Мы экономим место в корпусе часов и получаем возможность добавлять не только модули усложнений, но и «художественные» циферблаты, которые требуют толщины. Мы поставили на тонкость и не проиграли. Мы очень благодарны Altiplano.

Беседовал Алексей Тарханов

— Piaget Altiplano
Double Jeu

— Piaget Altiplano
900P

— Piaget Altiplano
Chronograph

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

из двух ультратонких уровней, и чтобы узнать, который час дома, надо нажать на боковые кнопки корпуса и приподнять верхнюю часть, под которой прячется вторая, с циферблатом другого цвета.

Ультратонкие механизмы Piaget были столь хороши и надежны (и, само собой, безупречно декорированы), что до 2014 года практически не менялись. Лишь три года тому назад, когда дом Piaget отмечал 140-летие, он выпустил очередную сенсационную версию флагманских часов — Piaget Altiplano 38 мм с калибром 900P. Это самые тонкие механические часы в мире: высота их корпуса составляет всего лишь 3,65 мм. Рекорда удалось достичь благодаря особой конструкции механизма, платиной для которого стала задняя крышка корпуса из белого золота. Большая часть колесной передачи расположена между 3 и 8 часами, а циферблат смещен к отметке «11 часов» и находится ниже уровня заводного барабана и узла «баланс-спираль». Таким образом, часовая и минутная стрелки впервые расположились ниже уровня мостов механизма. Эксперты оценили 48-часовой запас хода, который обеспечивает подвесной (то есть удерживаемый только одним мостом) заводной барабан. Версия этой модели с полностью украшенным бриллиантами механизмом (Altiplano 900D) — образец уникального технического мастерства и элегантного стиля Piaget.

Долгое время считалось, что чудесным тонким мануфактурным механизмам Piaget двух стрелок — часовой и минутной — более чем достаточно, а нагрузить их дополнительными функциями просто невозможно. Но мастера дома вновь смогли удивить всех, представив в 2013 году Altiplano Date с боковым секундным циферблатом в положении «4.30» и календарем-датой у отметки «9 часов». Автоматический калибр 1205P имел высоту всего 3 мм, а корпус — 6,36 мм. И наконец в 2015 году вышли первые Altiplano с хронографом и указателем времени во втором часовом поясе (у «9 часов»). Причем модуль хронографа вышел не каким-нибудь урезанным, а самым настоящим — с 30-минутным и 12-часовым счетчиками и функцией flyback (обнуление показаний и начало нового отсчета осуществляется однократным нажатием на кнопку). До сих пор это самый тонкий автоматический flyback-хронограф в мире: высота автоматического калибра 880P составляет 4,65 мм, корпуса часов — 8,24 мм.

Основу коллекции, посвященной 60-летию Altiplano, составляют семь классических моделей с двумя стрелками. Женские имеют бело-золотые корпуса диаметром 34 мм и пурпурные циферблаты. Модели диаметром 40 мм можно отнести к мужским, но их элегантность и оттенки циферблатов, окрашенных в серый, синий и зеленый цвета, привлекут внимание многих женщин. Еще пара классических двустрелочников вышла лимитированной серией. Первая модель — Piaget Altiplano Manual-Winding имеет 38-миллиметровый бело-золотой корпус и знаменитый мануфактурный механизм с ручным заводом и запасом хода 43 часа 430P высотой всего лишь 2,1 мм (в серии 460 экземпляров). Вторая модель — Piaget Altiplano Self-Winding оснащена автоматическим калибром с 44-часовым запасом хода 1200P с врезанным в платину ротором автоподзавода, что позволило снизить высоту до 2,35 мм. Корпус этой модели имеет диаметр 43 мм и сделан из белого золота (в серии 360 экземпляров).

Ну а главная модель серии в честь 60-летия Altiplano — это, конечно, бесподобный Piaget Altiplano Tourbillon, самые сложные часы Altiplano. Для них был создан новейший ультратонкий механизм с ручным заводом Piaget 670P высотой всего лишь 4,6 мм и мощным заводным барабаном, который обеспечивает двухсуточный запас хода. Циферблат декорирован узорчатой эмалью. Каретка турбийона сделана в форме логотипа Piaget и выполняет роль секундной стрелки. 41-миллиметровый корпус из белого золота, циферблат и застежка этих часов инкрустированы алмазами.

ПРИДЕШЬ ВЧЕРА — БУДЕШЬ ПЕРВЫМ ZENITH НЕ УПУСТИТ EL PRIMERO АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Историческая мануфактура Zenith

— Механизму El Primero с рождения не было равных

— Zenith El Primero
36'000 VpH

Среди марок, прославленных своими механизмами, — почетное место у старинной Zenith, создавшей El Primero.

В 1969 году США победили СССР в космической гонке — первым человеком на Луне стал американец. За соперничество систем и иллюзий следили все, о происходившем в те же годы соревновании часовых мануфактур мало кто знает.

Призом должен был стать первый в мире серийный автоматический хронограф, и для часовщиков эта маленькая победа была поважнее, чем «огромный шаг всего человечества», отпечатанный Нилом Армстронгом в лунной пыли.

Хронографы, гибриды часов и секундомера, позволявшие запускать и останавливать секундную стрелку, измеряя короткие отрезки времени, делали многие. В 1960-е годы выпускались и многочисленные «автоматы» — часы с механизмом, заводящимся от движения руки. Но и то и другое в одном корпусе не делал никто — эта комбинация усложнений выглядела невозможной.

Создать автоматический хронограф попытались сразу несколько марок. Это был стратегический вызов. Тактики были разными. Neueg и Breitling решили выиграть время и использовать механизмы с автоподзаводом фирмы Buren. Калибр толщиной всего 3,2 мм дал маркам возможность разместить над ним хронограф и не заниматься проектированием. Хронограф же был разработан другой компанией — Dubois-Depraz. Она знаменита своими усложнениями, которые добавляли к часам по заказам разных марок.

Zenith пошла по пути наибольшего сопротивления. Задачей марки было придумать не комбинацию модулей, а так называемый интегрированный, то есть встроенный в механизм, хронограф. Zenith, как утверждают, занималась созданием автоматического хронографа с самого начала 1960-х. Если Neueg и Breitling прятали свою разработку под именем «проект 99», то Zenith шифровалась под именем 3019 PHS. Принятые в то время решения тоже оказались важными и определили судьбу нового механизма на

— Zenith El Primero Chronomaster позволяет заглянуть в сердце механизма

— Zenith El Primero Skeleton Tribute To The Rolling Stones

годы вперед. Для хронографа было использовано колонное колесо, а не более простая, более дешевая, но менее точная система Dubois-Depraz. А главное — новый калибр стал одним из первых серийных высокочастотных механизмов со скоростью 36 000 полуколебаний в час. Этому придавалось особое значение, потому что увеличение скорости позволяло не только измерять доли секунды, но и надеяться на то, что новые часы выдержат конкуренцию с точными кварцевыми механизмами. Точно так же автоподзавод с центральным ротором должен был стать альтернативой батарейке. К тому же в часах предполагалось разместить заводной барабан с запасом хода не менее двух суток.

Говорят, что Zenith помогли инженеры купленной перед этим марки Martel Watch, где такие эксперименты проводились давно, однако применить все это в серийном механизме по-прежнему было сложно. Совершенно новый калибр требовал и совершенно новых решений — к примеру, скорость многократно увеличивала трение и рождала центробежные эффекты. От обычного часового масла решено было перейти к сухой смазке, которая станет потом использоваться и другими марками.

Zenith выиграла гонку — ее новый механизм, названный El Primero, «Первый», был представлен 10 января 1969 года, на три месяца раньше, чем конкуренты представили свои. До сих пор неизвестно точно, получил ли El Primero свое название после того, как победил, или потому, что был нацелен на выигрыш. Однако недостатки есть продолжение наших достоинств, калибр был слишком сложен, чтобы в Zenith смогли наладить производство и поставку. Это был в буквальном смысле слова механизм будущего, но за это будущее пришлось побороться.

На родине марки в Ле-Локле с ужасом вспоминают момент, когда предприятие попало в руки американцев из Zenith Radio Data. Американцы поставили на кварцевые механизмы, которые они собирались покупать за границей. Мастерам Zenith предстояло стать упаковщиками электронных модулей.

В 1975 году производство механических часов было решено полностью прекратить и

отправить в металлолом штампы и станки, на которых выпускали один из лучших в мире калибров. Все погребло бы, если бы Шарль Вермо, начальник конструкторского бюро, которое сделало El Primero, не спрятал чертежи, инструменты и формы на чердаке одного из зданий фабрики.

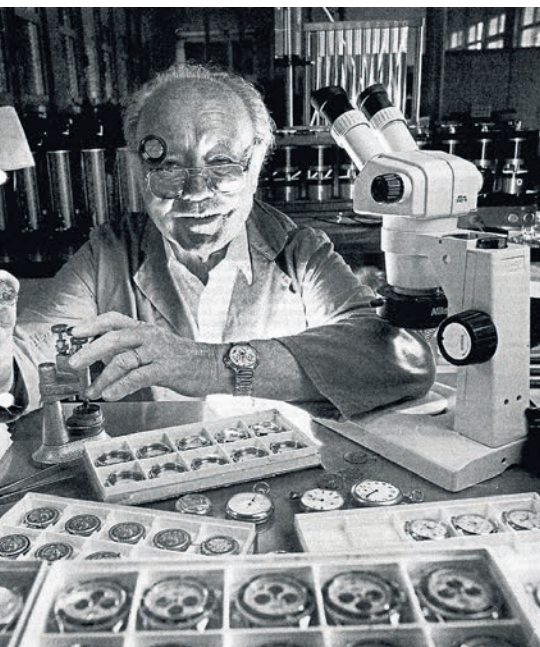
В 1978 году американцы, разорив марку, решили от нее избавиться. Zenith вернулась к швейцарцам, которые понимали ценность механики. Но все казалось потерянным — и мастера, и чертежи, и, главное, оборудование. Тогда-то и пригодился клад Шарля Вермо — это был лучший день в жизни часовщика и тогдашнего технического директора марки Жан-Пьера Жерера. Потребовалось два года, чтобы запустить производство.

El Primero выпустили из заточения благодаря гиганту швейцарского часпрома — марке Rolex. Его инженерам нужен был прочный и совершенный механизм хронографа для их культовых Daytona. Они остановились на лучшем — El Primero — и обеспечили постоянные заказы. На фабрике до сих пор показывают часть цеха, где специалисты Rolex принимали зенитовские калибры для своих хронографов.

В 1999 году, когда марку купил LVMH, Zenith потребовалась встряска, которую обеспечил присланный из Парижа комиссар Тьерри Натаф. Его иногда порицают за слишком поспешные действия по превращению почтенного предприятия в модную марку, но это было необходимо для того, чтобы разбудить спящую в Ле-Локле красавицу, о которой уже стали забывать. Кроме того, именно Натаф сумел вернуть Zenith на важнейший американский рынок, в 2000 году выкупив права на имя у бывших американских хозяев. Натафа сменил Жан-Фредерик Дюфур, вернувший марке былой блеск. После его ухода в Rolex (которые, таким образом, еще раз воспользовались «мотором» Zenith) глава всего часового подразделения LVMH Жан-Клод Бивер сначала поставил во главе своего давнего коллегу Альдо Магаду, а как только смог освободить время, взялся за Zenith сам.

Уже первые часы показали, чего он ждет от мануфактуры, которую высоко ценит и хочет вывести на свет из сонной швейцарской глубинки. В дни Женевского салона была показана модель El Primero в графичной черно-белой гамме. Бивер считает, что за знаменитым механизмом будущее. «Zenith — это El Primero. El Primero — это Zenith», — говорит он.

— Одна из первых моделей знаменитого хронографа El Primero

— Шарль Вермо спас наследие родной марки

zenith выиграл гонку на автоматический хронометр. его новый механизм, названный el primero, был представлен на три месяца раньше конкурентов

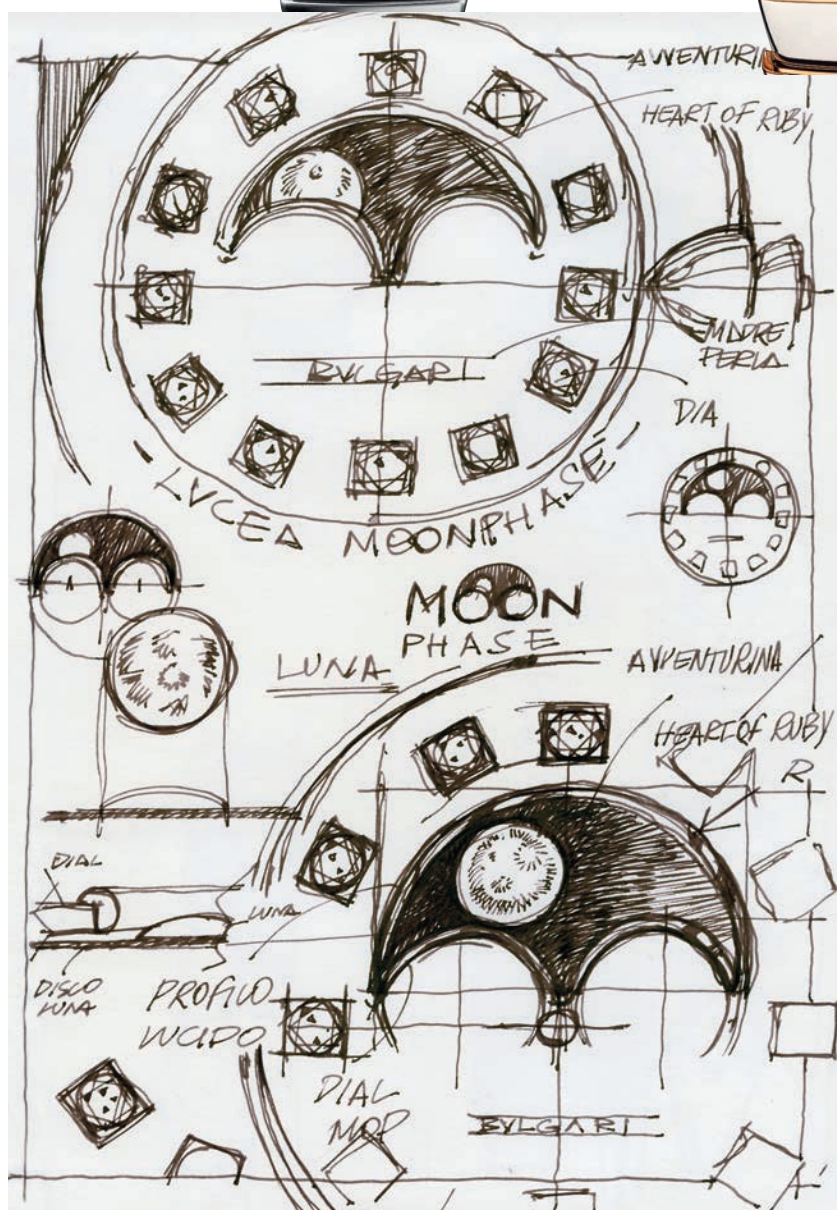
БАЗОВЫЙ ХОД

LVCEA BVLGARI 2017 ГОДА

ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

— Bvlgari Lvcea Animations

— Bvlgari Lvcea Moonphase

Коллекция Lvcea итальянского ювелирно-часового дома Bvlgari — базовая. Ее высокое призвание — максимально широко разнообразить довольно непростую часовую вселенную великой марки. Вот почему этой модели уделяется такое большое внимание: каждый год Bvlgari предлагают очередные новые версии этих часов. Они привезли их на показ в Женеву в дни SIHH и обещают, что еще больше новинок мы увидим на Базельской ярмарке.

Модели Lvcea Moon Phases и Lvcea Animations — новый этап эволюции замечательных часов. Модель Lvcea Moon Phases — это часы с индикаторами фаз Луны. «Лунники» специалисты относят к так называемым малым усложнениям, подобным маленькой секундной стрелке или дате. При создании Lvcea Moon Phases часовщикам мануфактуры в Невшателе пришлось изрядно потрудиться.

Индикатор лунных фаз функционирует с учетом периода — в 29 дней, 12 часов, 44 минуты и 2,8 секунды, — за который Луна вновь встает в исходное положение по отношению к Солнцу и Земле. Однако представление на циферблате лунных фаз — не только демонстрация технологических возможностей часовщиков Bvlgari. Фазы Луны — это еще и оригинальное ювелирное украшение, неслучайно в марке подчеркивают красоту исполнения драгоценного индикатора (лунный диск может быть выполнен из корунда или авантюрина).

В этих часах трудится мануфактурный механизм BLG 191 Solotempo с 42 часами запаса хода и датой. В настоящий момент часы представлены в трех вариациях — из розового золота, из розового золота с белыми бриллиантами по ободку корпуса (общий вес — 1,45 карата), а также в белом золоте с бриллиантами по ободку и бриллиантовыми метками вместо привычных римских цифр. Маленькое астрономическое усложнение придает очарование простой базовой модели; часы носят на цветных атласных ремешках, что позволяет им считаться моделями для коктейля.

Серия Bvlgari Lvcea Animations — это модели диаметром 28 или 33 миллиметра с корпусами из стали или из стали с розовым золотом. В Lvcea Animations 28 mm функционирует кварцевый калибр B046, а в более крупной версии 33 mm стоит автоматический механический калибр B77 с 42 часами запаса хода, маленькой секундной стрелкой и указателем даты. Lvcea Animations демонстрируют суть данной модели: это надежные базовые часы, которые можно надевать как днем, так и вечером. В отличие от Lvcea Moon Phases часы Lvcea Animations носят на металлическом браслете, звенья которого напоминают звенья культового «змеино» браслета легендарной исторической коллекции Serpenti.

С помощью Lvcea римляне из Bvlgari очевидным образом хотят заполнить непростую и огромную часовую нишу. Рядом с драгоценными часами, часами с большими усложнениями, включая и ультратонкие модели, спокойно существуют часы формата pret-a-porter, к которым стоит отнести и серию Lvcea Animations. Формат pret-a-porter лишь кажется банальным, несложным и безыскусным. На самом же деле работать в нем непросто: практически каждая великая марка имеет в своем запасе легкие на подъем базовые модели, которые должны привлекать широкую аудиторию. Вот почему битвы за покупателя в этом классе бывают более ожесточенными, чем

милые светские сражения в далеких заоблачных сферах haute horlogerie. Судя по всему, в Bvlgari не оставляют своего намерения взять рынок: в Базеле премьеры будут следовать одна за другой — от коллекционных часов Octo до новых ювелирных моделей знаковой линии Serpenti.

